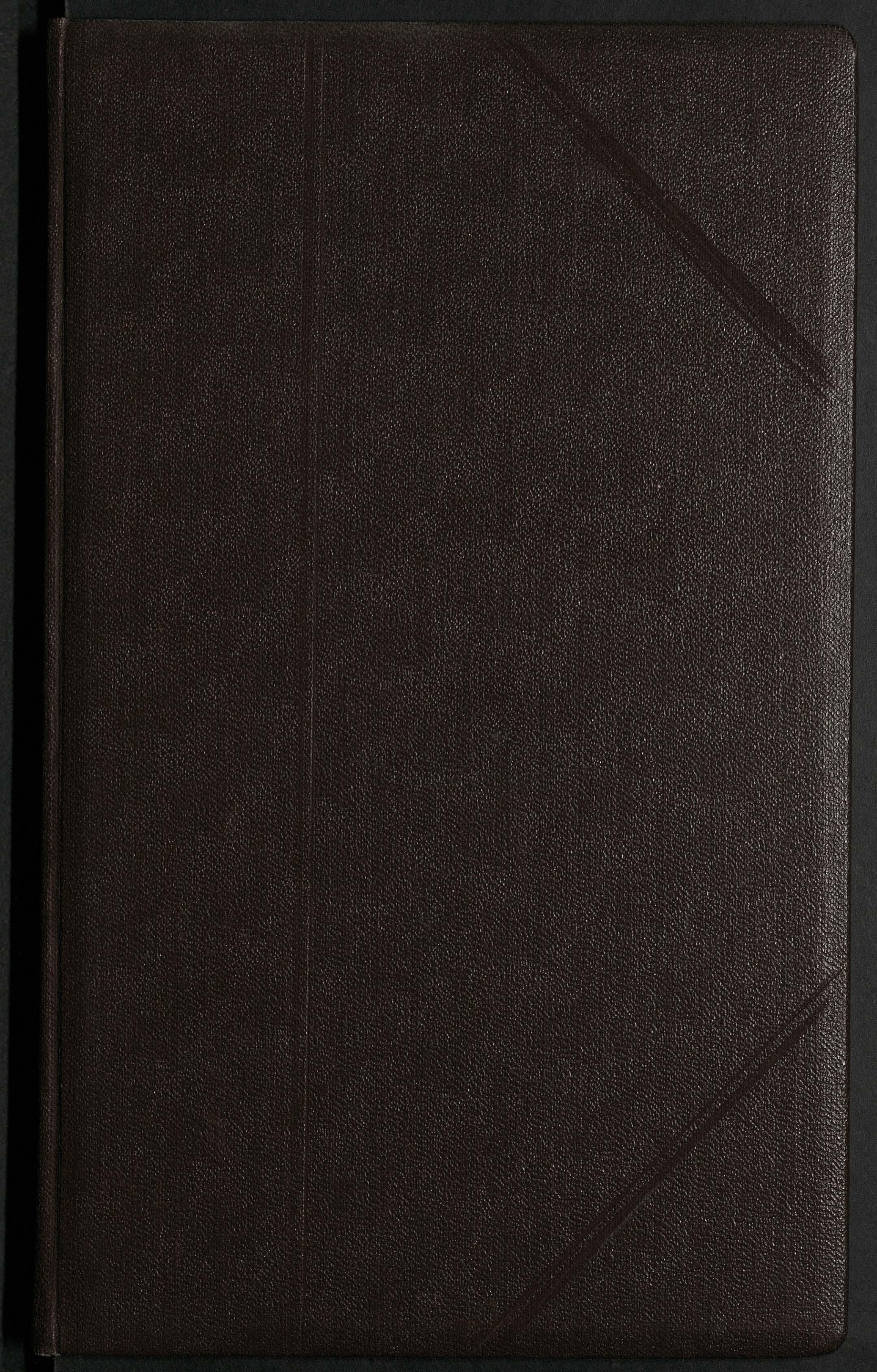

ПОЕМА ЭЛЬВИРЬ,

СОЧИНЕНІЕ
СТАРШАГО АРНОДА,
И
ЗЕНОТЕМИСЪ
ПРИКЛЮЧЕНІЕ МАРСЕЛЬСКОЕ
СОЧИНЕНІЕ
МЛАДШАГО АРНОДА,
перевелЪ
съ Францусскаго
ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА
БАККАЛАВРЪ
ЕРМИЛЪ КОСТРОВЪ.

ВЪ МОСКВѢ,
ВЪ Университетской Типографіи 1779 года.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ Поему Эльвирь и Зенотемиса приключеніе Марсельское, *и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя ко удовольствію Любителей и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ,*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ПОЕМА.

ЭЛЬВИРЪ,

Исполненъ божествомъ, что грудь огнемъ снѣдаетъ,
Что счастье для меня и зло уготовляетъ,
И чтилъ которо я отъ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ,
Которо въ хладный гробъ ко мнѣ еще придетъ,
Чтобъ грудь мнѣ оживить, и пламень влить въ составы;
Исполненъ я любви, утѣхъ ея, забавы,
Дерзаю возвестись я на крилахъ ея,
И устремить полетъ во мрачные края,
Изъ тмы забвенія, изъ мрака вѣчно спящихъ
Чтобъ тѣни двухъ извлечь любовниковъ стенящихъ;
И внесть ихъ имена во свой плачевный стихъ,
На слабость не смотря и робость силъ моихъ
Судьбу ихъ жалостну провозгласить всемѣстно.
О чтимо божество мной тайно и нелестно,
Котораго вотще изображалъ черты;
Цефизы въ имени и лестной красоты: (а)
О ты, чей зракъ всегда мой духъ собой плѣняетъ,
И чрезъ кого любовь къ себѣ меня, склоняетъ,
И новую стрѣлу стремитъ во грудь мою!
О ты, за коего я далъ бы жизнь свою,

 Без-

(а) Г. Арнодъ началъ писать сію поему будучи во Франціи, видно, что подъ именемъ Цефизы разумѣетъ онъ славную щого времени красавицу, и можетъ быть свою любовницу.

Безцѣнный даръ небесъ, для всѣхъ благополучный
Чинъ свѣтлый божества и съ небомъ не разлучный,
Когдабъ изъ подъ моихъ стопъ нектаръ истекалъ,
И въ ликѣ я себя безсмертныхъ созерцалъ;
Я цѣлью всѣхъ утѣхъ, единственнымъ богатствомъ
Царями, божествомъ, и всѣмъ, что льститъ пріятствомъ,
Я чтилъ бы красоты возлюбленной моей!
Прими сіи стихи; то плодъ твоихъ очей!
То голосъ нѣжности, въ нихъ нѣжности духъ зрится
Чрезъ нихъ твой страстный огнь и вѣрность укрѣпится.
Сей гласъ въ стенаніяхъ сладчайши чувства льетъ,
Чрезъ мрачную печаль пріятнѣй тонъ даетъ,
И скорбь, которая всегда его смягчаетъ,
Любезнѣе чрезъ то насъ нѣжитъ, услаждаетъ.
    И ты, которую по всюду жертвой чту,
Но выше только чтя Цефизы красоту,
И Феба, къ коему по ней въ стихахъ взываю,
Онъ стихъ въ уста літъ исполненъ имъ пылаю,
Тотъ стихъ, что въ Пафосѣ похвалъ вѣнецъ мнѣ сплелъ,
Любовь! спустись ко мнѣ съ небесныхъ свѣтлыхъ тѣлъ
Здѣсь требую твоихъ я прелестей, искуства,
Пріятной нѣжности, и жалостнаго чувства!
Спустись и омочи перо въ твоихъ слезахъ:
Хочу имъ начертать въ потомственныхъ сердцахъ,
Несчастны случаи и жизнь четы любезной,
Да вѣчно чтутъ въ умѣ потомки рокъ ихъ слезной,
Чтобъ изъ Цефизиныхъ плѣняющихъ очей
Лилися токи слезъ на зракъ картины сей!
Ты можешь изъяснить одна сихъ слезъ отрады
Любовь! се мзда, иной не требую награды.
    Побѣдоносный Лузъ, что крѣпостію силъ (b)
О Португальцы! васъ воздвигъ и утвердилъ

Уже

(b) Лузитанія названіе свое получила отъ Луза, думаютъ, что былъ онъ спутникъ Бахусовъ, и по многихъ завоеваніяхъ остановился въ окружностяхъ Дуеры и Гвадіано, гдѣ и умеръ.

Ужѐ отъ высоты зритъ Аргонавтовъ новыхъ
Зритъ храбрыхъ чадъ своихъ на подвиги готовыхъ;
Имъ вождь былъ всѣмъ его священная душа,
На ихъ блистательныхъ знаменахъ возлежа;
Стремятся къ кораблямъ всѣ бодростью пылая,
Сердца и быстрый взоръ на влагу устремляя,
Желаютъ прелетѣть лазоревы моря;
Герой тутъ восплескалъ весь радостью горя
Внимая смѣлыхъ чадъ съ досадой вопіющихъ,
И вопль свой облаковъ въ превыспренность несущихъ;
Что ихъ желанія и бодрости ихъ силъ,
Презрительный покой стремленье потушилъ,
И чтобъ Нептунъ отверзъ пространство нѣдръ надменныхъ,
Для мышцей ихъ давно въ бездѣйствѣ заключенныхъ,
И чтобъ ихъ кораблей стремленіе и бѣгъ,
Пренесъ своей рукой на дальный, чюждый, брегъ,
Гдѣ слава, что стези терновыя смягчаетъ,
Держа въ десницѣ пальмъ къ себѣ ихъ ожидаетъ;
Чтобъ лавромъ ихъ вѣнчать, трудамъ являя честь,
И выше смертнаго ихъ подвиги вознесть,
Они хотятъ протечь стихій пространство влажныхъ
Сокрытый путь открыть полетомъ крилъ отважныхъ
До странъ, раждаясь гдѣ прекрасный вождь планетъ
Отъ колесницы блещетъ въ подсолнечну лѣтъ.
Ужѐ корма была ко брегу обращенна,
Различіемъ цвѣтовъ и вѣтьвми украшенна,
Отъѣзду скораго скрывала грозный, страхъ;
Летая въ воздухѣ по власти вѣтровъ флагъ
Изображалъ цвѣты на высотѣ прозрачной.
Со ложа нѣжнаго гдѣ предсѣдитъ духъ брачной,
И отъ объятія слезяща естества,
Презрѣвши вопль кровѝ, не зря на плачь родства,
Противъ любви противъ ея заразъ стенящихъ,
Изъ нѣдръ отечества печальныхъ и скорбящихъ,
Ты слава извлекла наперстниковъ твоихъ,
Но не безъ жалости и не безъ слезъ о нихъ!

О храбрый Гама! ты вождемъ былъ сихъ Героевъ,
Безстрашiемъ твой видъ блистая въ сонмѣ строевъ,
Безъ тщетной пышности прiятенъ былъ сердцамъ,
И высоту твоей души являлъ очамъ;
Таковъ былъ сильный сынъ Алкмены и Зевеса,
Такъ древнiй дубъ стоя среди высока лѣса
Надменной облаковъ касается главой,
Тутъ протчи тщетно верхъ древа подъемлютъ свой,
Онъ горду зависть ихъ собой уничтожаетъ,
И тѣнiю своей онъ всѣхъ прiосѣняетъ.
Но чтобъ воззрѣть на сей Геройскихъ душъ соборъ,
Заря румяный свой скорѣй открыла взоръ,
Ужѐ отверзлися врата златаго Феба;
И колесницы бѣгъ являлся съ краю неба;
Въ водахъ краснящихся багряностью огней,
Тамъ преломлялся блескъ безчисленныхъ лучей;
Желѣньемъ хвалъ дыша и славою пылая
Что льститъ, влечетъ его препятствiя не зная,
Воздвигшись вкупѣ весь сей страшный полкъ врагу
Слѣдъ тяжкихъ стопъ своихъ оставилъ на брегу,
Но не было еще младаго въ немъ Героя,
Что первый сладостью наскучивши покоя,
Былъ долженъ полетѣть чрезъ верхъ пучинныхъ горъ;
Всѣ вопятъ, гдѣ Рамиръ, по всюду мещутъ взоръ,
Его медленiемъ въ досадѣ укоряютъ;
Мнитъ самъ онъ, что его въ томъ волны обвиняютъ;
Приходитъ на конецъ, но коль въ немъ страненъ видъ,
О боги! Сынъ ли здѣсь вамъ Лузовъ предстоитъ?
Съ печали мрачныя лице его увяло,
Но было и тогда любви оно зерцало,
Стеналъ и воздыхалъ судьбой своей гонимъ,
Стопами тихими былъ въ пристани держимъ,
Къ ней всякая влекла минута не возвратно:
Всѣ видѣли, что богъ, сильнѣйшiи богъ стократно,
Увы! Котораго не побѣдима власть!
Преодолѣждая въ немъ возженну къ славѣ страсть,

Его усилія безсильны разрушаетъ,
Противъ хотѣнія ко брегу прилѣпляетъ.
Васкесъ! вѣщалъ Рамиръ въ объятіяхъ его,
Васкесъ, что силою разсудка, своего,
Ко должности мой духъ и стопы ободряешъ,
Погасшій къ славѣ огнь и бодрость воспаляешъ,
Васкесъ! не въ силахъ я разстаться съ сей страной:
Здѣсь нѣжная Эльвирь боготворима мной,
Едина грозна смерть меня расторгнетъ съ нею,
Я въ прахъ преобращенъ къ ней жаромъ вспламенѣю,
Ты сжалься надо мной оплачь мою любовь
Мои мученія и жгому ею кровь,
Я скрыть не въ силахъ слезъ, ты самъ тому свидѣтель
И пусть винитъ твоя меня въ томъ добродѣтель,
Вини; я самъ себѣ извѣстенъ, признаюсь,
Стыдъ собственный я зрю, но я къ нему стремлюсь;
Скажи, что чрезъ сіе я подлъ, я слабъ, ужасенъ;
Мой разумъ въ томъ съ тобой, мой разумъ въ томъ согла-
Я чувствую его всѣ силы, гласъ, совѣтъ; (сенъ,
Моя рука меня разитъ, терзаетъ, рветъ,
Я самъ противъ себя киплю, ожесточаюсь:
Но словомъ я тебѣ единымъ изъясняюсь;
Люблю; симъ словомъ все сказалъ тебѣ Рамиръ....
Но что я зрю? мое блаженство, радость, миръ
Преграду вѣчную въ очахъ твоихъ находитъ...
Ахъ! потечемъ, куда насъ славы громъ предводитъ,
Течемъ, и полетимъ, гдѣ край свой кончитъ свѣтъ,
Куда ея труба и жаръ меня зоветъ,
Дерзнемъ на жертву ей принесть чистѣйшу вѣрность,
Любовь супружную, ея красу и ревность,
Явимся рыцарьми, прервемъ любви союзъ,
Несемъ съ собой въ моря печаль и тяжесть узъ,
Спѣшимъ пріять вѣнецъ побѣды быстротечной;
Да нашимъ ратникамъ примѣръ я буду вѣчной...
Но ахъ, Васкесъ! хотя ту жалость мнѣ простри
Моей супруги токъ слезъ горькихъ ты отри,

Вѣщай стократно ей, что славой въ путь ведома,
Душа моя была къ стопамъ ея влекома;
Коль Парки злость моихъ дней слабу нить прервѣтъ,
Тогда къ ней тѣнь моя стеня возопіетъ,
Въ ея объятіяхъ драгихъ почить желая.
Вѣщай стократно ей, мой плачь изображая.
Что я всѣхъ паче дней ея красой горя,
Чудясь ея душѣ, стремлюся на моря, . . .
Увы! Эльвирь! въ сіи плачевныя минуты,
Эльвирь! ты спишь, а твой, твой обожатель лютый,
Онъ смертно остріе въ твою готовитъ грудь!
Онъ отъ тебя сокрылъ пагубоносный путь;
Отверзешь очи ты! . . . Увы! коль видъ несносный! . . .
Баскесъ! мою любовь, мои мученья злостны,
Изобразишъ ли ты? Ахъ можетъ ли душа,
Жить день жить мѣсяцъ, годъ, Эльвирой не дыша
Зефиромъ, что ее питаетъ, не питаться,
И можетъ быть, о рокъ! . . съ ней вѣчно невидаться,
Мнѣ смерть то нанесетъ. Но . . . долгъ исполню свой.
Онъ рекъ, и мужества объятый быстротой,
На корабли течетъ легчайшими стопами,
Но къ брегу устремленъ и сердцемъ и очами,
Не въ силахъ отъ сего предмета ихъ отвлечь.
Постой жестокій мужъ! къ чему толь быстро течь,
Гласъ вопитъ издали рыданьемъ прерываемъ,
Симъ воплемъ строй мужей былъ тронутъ удивляемъ,
Сердца всѣхъ къ жалости любовь сама влечетъ;
Всѣ зрятъ, что красота плѣняюща течетъ,
Стеняща, плачуща, блѣдна, въ тоскѣ смущенна,
И новой прелестью чрезъ горесть украшенна.
Чрезъ слезы множились ея очей красы.
Какъ роза въ утренни весенніе часы,
Что влажнымъ бисеромъ Аврора окропляетъ,
Эльвиринъ во слезахъ румянецъ такъ играетъ.
Бѣлѣйшіе власы разсѣясь на плечахъ,
Покровъ едва, едва висящій на грудяхъ,

Ея пріятности прикрасъ всѣхъ обнаженны;
Искуство всѣхъ плѣнять, сей ударъ неоцѣненный,
Ея отчаянье, смущенье, плачь и крикъ
Все представляло въ ней святой природы ликъ,
Когда она изшла изъ рукъ творца небесна,
Безъ украшенія сама собой прелестна.
Таковъ искусною водима кисть рукой
Изображаетъ намъ, Юнона образъ твой,
Когда разторгнувъ ты Морфеевы оковы,
По снѣ своемъ въ себѣ красы являешь новы!
Такъ обаяюща Армида взоры всѣхъ,
Дабы Ренальдъ, тебя во власть своихъ утѣхъ,
Плѣнить и уязвить чувствительнѣй стрѣлами,
Имѣя при себѣ любовь и грусть вождями,
Съ тобой прощаяся въ часы разлуки злой,
Всѣ ласки, прелести открыла предъ тобой
Сія краса, чѣмъ насъ милѣй всегда плѣняетъ,
Къ своимъ объятіямъ младенца прижимаетъ,
Кой съ воплемъ длань простря въ невинности своей,
Казалось требовалъ родителя съ морей.
Венера то была держаща Купидона:
Тогда ужѐ стѣсненъ всей тягостію стона,
О небо! возопилъ, что зрю я, зрю Эльвирь,
Едва сіи словà едва изрекъ Рамиръ,
Котораго стопы скрѣпляла бодрость друга;
То я, отвѣтствуетъ, то я, твоя супруга,
Твоя любезная, что умирая зрѣть
Пришла тебя, пришла лобзать и умереть.
Ахъ какъ! во мзду любви и за толикій пламень,
Возмогъ ты быть ко мнѣ невѣренъ, твердъ какъ камень,
Оставить здѣсь меня, бѣжать моихъ заразъ....
Ты сердце мнѣ пронзилъ, увы въ тотъ самый часъ,
Какъ я въ объятіяхъ обманчивыхъ Морфея,
Люблю тебя, тебѣ вѣщала, пламенѣя;
Всегда нося въ груди любезный образъ твой.
Какой же славы блескъ, блескъ тщетной и пустой,

Надъ нѣжностьми любви пріемлетъ лавръ надменный?
Кто побѣдитъ любовь, любовь залогъ священный?
Все въ ней пріятно, милъ и слезный токъ ея,
И безъ сомнѣнія увѣрена въ томъ я;
А ты, призракомъ ты, мечтою восхищаясь,
Но что я говорю! за смертью ты гоняясь,
Стремишся отъ меня имѣя тигровъ духъ,
Къ рыданью рождшихъ тя не простирая слухъ,
Вонзая имъ во грудь кинжалы смертоносны,
Увы! убійцею имъ будетъ сынъ ихъ злостный!
По сихъ ужѐ, по сихъ священныхъ именахъ,
Напомнюль о себѣ я при твоихъ очахъ,
Коль прелести мои, всѣ клятвы, огнь безмѣрной,
Изчезли во твоей душѣ, душѣ невѣрной?
Еще прекрасный нашъ цвѣтъ брачный не увялъ,
И льстивый тотъ союзъ себя не разорвалъ,
Которымъ жребій нашъ и нѣжность восхищенна,
И самая душа должна быть сопряженна.
Но ты мой презри вопль, печали горькій плодъ,
Не зри увядшій цвѣтъ, чрезъ грусть моихъ красотъ;
Оставь да жизнь моя изчезнетъ средь смущеній,
Да снидетъ духъ во мракъ отъ слезъ и огорченій,
И отъ твоихъ твоя супруга стрѣлъ умретъ,
Коль жалости ко мнѣ въ тебѣ ни мало нѣтъ.
Гряди, я отъ любви, любви я вѣчной, твердой,
Даю тебѣ еще, супругъ немилосердой!
Усердій, пламени, даю послѣдній знакъ....
Ахъ не взирай на сей, на сей толь страшный зракъ;
Смущаюсь твоего я паче злостью рока,
Будь жалостливъ къ себѣ! зри коль судьба жестока!
Къ себѣ, что мнѣ стократъ милѣй себя собой,
Куда тебя влечетъ сей славы звукъ пустой,
Что льстивою твой взоръ завѣсою покрыла?
Сей огнь, котораго тебя объемлетъ сила,
Въ какія варварски мѣста съ собой влечешь?
О коль великихъ золъ оковы понесешь!

Внем-

Внемли шумящія въ противоборствѣ волны.
Зри тучи бурныя свирѣпства мрака полны,
Которы адскій духъ выноситъ на крилахъ.
Зри молніи, Перунъ несомый въ небесахъ,
Зри камни, вѣтры, мѣль, чудовищъ страшныхъ роды,
И бѣдствій тысящи непостоянны воды,
Се бездна предъ тобой! се гибель въ ней твоя!
Умрешь ... Но ежели картины видъ сея,
И жизнь твоя тебя ни мало не смущаетъ,
Ужѣль тебя и сей младенецъ не смягчаетъ,
Иль можешь въ пеленахъ его ты умертвить?
Онъ началъ для тебя слезъ первыхъ токи лить,
И первымъ, да надъ нимъ смягчишся, воплемъ, проситъ,
Ахъ должноль, да твоя нечувственность приноситъ
Его невинну жизнь кровавой славѣ въ даръ!
Лишится онъ меня! и сей готовъ ударъ!
При чьихъ лучахъ его дней юныхъ цвѣтъ созрѣетъ,
Какой утѣшитель въ объятіяхъ согрѣетъ,
Его младенчество, и слезный токъ отретъ?
Увы! онъ жертвою несчастною умретъ,
Безумной гордости и ярости возженной!..
Яви хоть жалость ту супругъ окамененной,
Не медли смертію, взнеси ударъ ея
Чрезъ плачь мой проситъ самъ онъ милости сея
Ты ужасъ весь его судьбы пагубоносной
Простри; разторгни ты его съ сей жизнью злостной,
Съ симъ даромъ, что ему къ нещастью данъ тобой,
И съ жалости разя во мнѣ ты образъ свой
Чрезъ смерть соедини ты съ сыномъ мать стенящихъ,
И торжествуй потомъ ты на волнахъ шумящихъ.
Герои! се вашъ духъ, и свойственный вашъ знакъ!
Рекла Эльвирь, рекла и пала въ смертный мракъ.
Трепещутъ всѣ ея погибели страшася.
Но чтобы къ ней летѣть любовью воспаляся.
Стократъ лобзаючи ей душу возвратить,
И паче прочихъ дней ее боготворить,

При-

Привесть въ движенiе погасшихъ чувствiй жилы,
Разсудка возвратить ей власть, совѣтъ и силы,
Весь огнь и сладкiй ядъ любви въ себя прiять,
Ее терзающей стрѣлой себя пронзать,
И словомъ обновить съ своей красѣ Эльвиру,
Минуты стоило единыя рамиру.
Тутъ слава съ честiю скрежеща и ярясь;
И съ гордой сей четой Васкесъ соединясь
Противъ заразъ любви Егиду поставляетъ,
Среди ихъ мужество сѣдя не усыпаетъ.
Во тще ихъ отъ себя Рамиръ женетъ, бѣжитъ,
Бѣжитъ, назадъ течетъ, смущенье въ слѣдъ спѣшитъ:
Такъ левъ Нумидскими стрѣлами уязвленный,
Свирѣпствуетъ, реветъ, скрежещетъ разъяренный,
И смерть свою за нимъ гонящуюся въ слѣдъ,
Ногъ быстротой своихъ во мракъ лѣсовъ несетъ.
Рамиръ слезитъ, Рамиръ смущается и стонетъ,
Душа его въ волнахъ страстей противныхъ тонетъ.
Коль страшно зрѣлище и коль ужасенъ бой!
То зритъ Рамиръ любовь со всей ея красой,
То славы передъ нимъ всѣ пышности блистаютъ.
Такъ вѣтры сѣединясь надменный кедръ сражаютъ,
Такъ бури понтъ мятутъ всей наглостью стремясь.
Душа Рамирова стрѣлъ тучею язъвясь,
Слабѣетъ, движется ударами стѣсненна;
Но слабостью любовь своею обольщенна,
Со воплемъ, чувства всѣ преобращая въ ледъ,
Колеблется, бѣжитъ, при славѣ лавръ побѣдъ.
Да будетъ такъ судьбѣ и небесамъ прiятно!
Коль духъ твой въ лютости и сердце не превратно,
Теки ты славы въ путь ведомъ ея рукой,
Но я не разлучусь, рекла Эльвиръ, съ тобой,
Усилiя любви, что духъ мой устремляетъ,
Твоя нечувственность и честь не превышаетъ,
Безъ ужаса любовь чрезъ море прелетитъ,
И свѣта до краевъ во слѣдъ твой поспѣшитъ,

На ярость водъ, на мѣль, на бури, камни, волны
На все простретъ, на все спокойства очи полны,
Все крѣпостью своей течетъ попрать, стерть,
Безъ робости она и саму встрѣтитъ смерть;
Но толькобъ я тебя въ объятiяхъ имѣла,
И въ грудь твою душа любезной прелетѣла!
Познаешь, сколь моя сильна къ тебѣ любовь.
Все, что тебя стремитъ, возжгло мой духъ и кровь;
Какъ ты, я мужествомъ безстрашнымъ пламенѣю,
И сердце лишь одно я женское имѣю,
Что не престанетъ въ вѣкъ тебя любить горя;
Спѣшимъ и полетимъ на бурныя моря;
Вдругъ дѣломъ рѣчь свою, исполнила, свершила,
Дитя въ рукахъ держа на корабли вскочила;
Тутъ бодрости ея чудясь недвижный брегъ,
Вотще хотѣлъ сдержать ея поспѣшный бѣгъ;
Венеринъ сынъ влекомъ прiятностьми, красами,
Стеня за ней летитъ вооруженъ стрѣлами.
Любовники! куда влечетъ слѣпой васъ духъ?
Ахъ естьлибъ знали вы.... Тогда носился слухъ,
О Нимфы! прелестьми краcящи Тагъ прозрачный,
Что будущей судьбы проникнувъ облакъ мрачный,
Предчувство черное въ печальный сей отъѣздъ,
Вступя въ прохладну тѣнь прiятныхъ вашихъ мѣстъ,
И скрывшись во цвѣты, и въ мягки дола травы,
Смутило вашъ покой, невинныя забавы,
Явивъ мечтанiя плачевны очесамъ.

Ужѐ Ѳетида знакъ со властью давъ волнамъ,
Открыла глубину кормамъ кипящимъ пѣной;
Былъ воздухъ оживленъ съ прiятной сей премѣной,
Устами нѣжными зефиръ его лобзалъ;
Тѣ стѣны, что Улиссъ премудрый основалъ, (c):

Скры-

(c) Утверждаютъ, что городъ Лиссабонъ основанъ Улиссомъ.

Скрываясь отъ очей, являлись удаленны.
Ужѐ твой верьхъ, о Цинтъ, до облакъ вонесенный, (d)
На кой толь кротко зритъ Діана съ высоты,
Которой нѣжна мать любви и красоты
Пріятностьми древесъ и тѣнію вѣнчаетъ,
Ужѐ сей верхъ пловцевъ предъ взоромъ изчезаетъ.
Такъ облако, паровъ носящихся дитя
Своею легкостью по воздуху летя,
Въ немъ рассыпается и гибнетъ непримѣтно,
И наглы вѣтры прахъ его несутъ всесвѣтно.
О Лузитанія! красы полей твоихъ,
Изчезли наконецъ отъ виду чадъ своихъ,
Ужѐ ихъ взоръ вотще къ отечеству стремился,
И красные брега Мондѐги видѣть тщился,
Предавшися любви Эльвирь, Эльвирь одна
Пылала ей сильнѣй всегда упоена,
И мысль ея однимъ симъ чувствіемъ плѣнялась:
Нелестны ей брега, отъ коихъ отлучалась,
Она въ своей душѣ носила цѣлый свѣтъ,
Всего дражайшій ей любви ея предметъ.
Любовникъ предъ ея всегда былъ зримъ стопами,
Ее боготворя и сердцемъ и устами.
Союзъ, что тайною ихъ душу сопрягалъ,
Взаимны взоры ихъ и сердце насыщалъ;
Ихъ міръ отъ нашего совсѣмъ отмѣнный міра
Былъ въ нихъ, въ сердцахъ онъ былъ Эльвиры и Рамира.
Когда Эльвиринъ взоръ всей страстью воспаленъ,
Хоть на минуту былъ отъ мужа отвлеченъ,
То было для того, чтобъ зрѣть его обратно,
Внимать ему, лобзать въ объятіяхъ стократно,
И сладкій огнь излить пылающей крови,
Безцѣнный оный даръ невинныя любви.

Ни-

(d) Гора Цинтъ окруженная рощами, и на которой въ древнія времена былъ храмъ посвященный Діанѣ; получила свое названіе отъ города Цинта близъ ея стоящаго.

Никакъ Эльвиръ ему всечасно повторяетъ,
Съ слезами, кои огнь любовный источаетъ,
И коими всегда питается, горитъ,
Никакъ, не можетъ духъ всей нѣжности излить,
Представить, сколь тебя люблю и обожаю;
Сама любовь меня живитъ, я ей пылаю:
Стократъ могу, стократъ, я жизнь свою прервать,
Чѣмъ страсть тебѣ свою и вѣрность описать.
Я чувствую себя и сердце въ томъ надежно,
Что я тебя любить до смерти буду нѣжно.
Огня сего, что мнѣ и бытіе даетъ,
Теченье быстрое смерть грозна не прервѣтъ;
Та грудь, которою единъ твой взоръ владѣетъ,
И что тобой горитъ, въ любви не ослабѣетъ,
Тебя боготворю, тобой однимъ дыша,
Съ твоей сопряжена всегда моя душа,
Во свѣтѣ одного тебя я зрю, срѣтаю,
Мнѣ вождь одинъ Рамиръ, я имъ однимъ пылаю,
Твое дыханіе меня животворитъ,
Все зрю въ тебѣ, тебя и богомъ духъ мой чтитъ.
Въ отвѣтъ такой любви что рекъ Рамиръ безсильный?
Ни что; и могъ ли онъ сыскать словъ токъ обильный?
Молчалъ... но сердцемъ онъ горѣлъ и воздыхалъ,
Слѣды Эльвирины съ восторгомъ лобызалъ,
Во грудь ея свою онъ душу преселяя
И прелести ея очами пожирая,
Онъ обожалъ ее, источникъ слезъ лія,
Онъ умиралъ стократъ въ объятіяхъ ея.
Когда спускался Фебъ отъ насъ въ пучинны воды,
Да лучь свой изліетъ но протчіе народы;
Иль свѣтоносцу въ слѣдъ оставя хладный понтъ,
На гордый свой престолъ, всходилъ на горизонтъ;
Всегда онъ видѣлъ сихъ любовниковъ согласныхъ,
Любовью дышущихъ и нѣжности подвластныхъ.
Восторга ихъ вина прелестно божество,
Вліяло весь свой огнь въ ихъ нѣжно существо.

Когда ихъ разговоръ къ той вещи уклонялся,
Въ который сладкій огнь любви не заключался;
Немедленно Эльвирь старалась то пресѣчь,
Сказавъ, мы обратимъ ко страсти нашей рѣчь,
Да будетъ намъ любовь цѣль нашихъ разсужденій.
Такъ щастлива сія чета безъ всѣхъ сомнѣній,
Чтобъ зависть раздражить, и лютый злобы нравъ,
Такъ сыпала цвѣты, утѣхъ, отрадъ, забавъ,
На тѣхъ стезяхъ, гдѣ страхъ съ печалью съединились,
Ужѐ близъ оныхъ странъ пловцы сіи стремились,
Гдѣ солнца пламенемъ живущихъ видъ чернѣлъ,
Чрезъ поясъ огненный ужѐ корабль летѣлъ,
И знойной Африки бреговъ ужѐ касались,
Гдѣ звѣзды новыя имъ въ небесахъ являлись,
И предводили бѣгъ сихъ слѣпыхъ кораблей;
Ужѐ обманчивъ блескъ Каллистиныхъ лучей
Изчезъ и видъ ея подъ горизонтъ сокрылся,
(e) Другой Парразисы тамъ свѣтлый крестъ явился,
Катясь вкругъ полюса свирѣпыхъ южныхъ мѣстъ,
[Гдѣ меньшее число злачыхъ сіяетъ звѣздъ,]
Дабы заблуждшему пловцу дать свѣтъ полезный.
(f) Ужѐ ихъ видѣлъ взоръ сей островъ толь любезный,
Сестрѣ, намѣстницѣ, о красный Фебъ, твоей.
Тамъ новый полукругъ и вѣтръ и власть морей,
Все чадъ твоихъ, о Лузъ въ стремленьи дерскомъ льсти-
Самой луны лице ихъ блескомъ озарило: (ло,
Ея тронъ сребреный изобразясь въ волнахъ.
Утѣхи, тишину показывалъ въ водахъ,

Гдѣ

(e) Мореплаватели отъ созвѣздія южнаго полюса имѣютъ такую же пользу, какую сѣверные жители имѣютъ отъ своего созвѣздія называемаго медвѣдицею. Южное созвѣздіе состоитъ изъ седьми звѣздъ, изъ которыхъ первые пять, представляютъ видъ креста.

(f) Островъ Мадагаскаръ; прежде назывался онъ островомъ луны.

Гдѣ сонмы разныхъ рыбъ забавы представляли,
Ихъ движимы лучи въ обманъ влекли, прельщали.
Супруга вѣрнаго въ объятіяхъ лежа
И въ узахъ сна Эльвирь Зефирами дыша,
Любовнымъ Божествомъ и брачнымъ окруженна,
Покоя въ сладостяхъ казалась погруженна.
Покойся, ей Рамиръ съ горячностью вѣщалъ,
И съ милыхъ глазъ ея межъ тѣмъ цвѣтки онъ рвалъ.
Едва любовными устами ихъ лобзая;
Такъ легкая пчела по верхъ цвѣтовъ летая,
Пріятный оныхъ сокъ съ искуствомъ нѣжнымъ пьетъ,
Покойся, о драгой любви моей предметъ.
Пусть нѣжный Купидонъ съ Морфеемъ съединится,
Крилами ихъ твой взоръ пріятно осѣнится;
Пусть въ точномъ образѣ и во своихъ чертахъ,
Въ твоихъ любовникъ твой мечтается глазахъ:
Въ часъ утра взоръ открой лишъ только въ той надеждѣ,
Чтобъ зрѣть меня въ огнѣ сильнѣйшемъ, нежель прежде,
И чтобъ прелестнѣе красы свои явить,
Чтобъ больше нравиться, любить, любимой быть.
Но страшнымъ сномъ Эльвирь и видомъ возмущенна,
Бледна, трепещуща и ужасомъ стѣсненна,
Встаетъ и вопитъ вдругъ, тебялъ Рамиръ драгой!
Держу въ объятіяхъ. и ты ли предо мной! . . .
Любезный мужъ во мнѣ твой образъ почиваетъ.
Но что! какой мной страхъ и трепетъ обладаетъ! . . .
Какъ мой мятется умъ! гдѣ я, куда гряду?
Какую предъ собой плачевну зрю бѣду?
Оставь, да восприму токъ жизненныхъ дыханій . . .
Еще я слышу вопль печальныхъ сихъ стенаній,
Я зрю еще теперь свирѣпство сихъ валовъ,
Густую тьму, и кровь и жалкихъ мертвецовъ,
Зрю мрачныхъ демоновъ; о какъ представлю нынѣ,
Которы держатъ насъ съ тобой въ морской пучинѣ. . .
Я зрю сіи брега, природа гдѣ мертва,
Гдѣ скуки домъ, гдѣ гробъ гонима существа,

О небо! я сама, твоя супруга страстна . . .
Твоя Эльвирь . . . и что! я плоть твою . . . несчастна,
И сердце я твое снѣдала . . . грозный рокъ!
И что! при мнѣ твоей пресѣкся жизни токъ;
Едва произнося слова сіи слезяща
Вторично падаетъ въ смущенный мракъ стеняща.
Вотще Рамиръ ея болѣзнь препобѣждалъ,
Во тще лобзаніемъ токъ слезный прекращалъ.
На все въ ней чувствія призраки толь суровы,
Казались, налагать въ свирѣпствѣ узы новы.
Ни какъ, отвѣтствуетъ, твой видъ, твой милый взоръ,
Твой просвѣщенный умъ, и мудрый разговоръ,
И крѣпость съ мужествомъ толь прежде мнѣ надежна,
Не истребятъ во мнѣ призрака толь мятежна
Мракъ сихъ предчувствій, ты рассыпь о горкій свѣтъ!
Онъ ужасомъ меня покрывъ еще растетъ.
Рамиръ! теперь ужѐ зрю бури, вόлны, бѣдства,
И съ гибелью судовъ соединенны слѣдства,
Зрю смерть твою . . . но нѣтъ ея не буду зрѣть,
О небо! ты позволь мнѣ прежде умереть!
Съ душею путь его моя соединится,
Путь жизнь его чрезъ то драгая сохранится!

Но благотворнаго Рамиръ свѣтила ждетъ.
Котораго возвратъ, утѣшительный свѣтъ
Природу каждой разъ живитъ и воскрешаетъ,
Да лучь его, что тму ночную прогоняетъ,
Въ душѣ Эльвириной видъ грозный истребитъ,
И свѣтлостію дня ей сердце усладитъ:
Вступаетъ наконецъ оно въ стези небесны,
И мракъ предъ нимъ въ мѣста стремится неизвѣстны,

День

День возраждается и сладка тишина,
Остатокъ ужаса Эльвирь хранитъ одна,
Въ ней привидѣнія питаемы любовью,
И слабостью ея и женской нѣжной кровью
Ей впечатлѣли въ мысль сильняй свои черты.
Душа! имѣешъ ли свѣтильникъ гробный ты,
Которой бы предтекъ въ нещастьяхъ предъ тобою,
И зло тебѣ являлъ назначенно судьбою?
Но коль нельзя сего намъ рока избѣжать,
О небо! удостой его не предъявлять.
Морями между тѣмъ зефиры обладали,
И воды краснаго дня сладость ощущали,
Тамъ съ шумомъ корабли пріятнымъ межъ пучинъ,
Неслися по сребру, Нерей, твоихъ долинъ!
Ты побѣдителемъ зрѣлъ Гаму надъ собою.
Духъ движущій, душа, все правяща собою,
Душа, что славою наполнила своей,
И долъ, и небеса и бездны всѣхъ морей,
Которая въ мірахъ не счетныхъ обращаясь,
Творитъ и движетъ все ни чѣмъ не утруждаясь,
Повсюду жизни даръ, и даръ щедротъ ліетъ,
У коей въ бытіи конца и въ царствѣ нѣтъ;
Сей высочайшій умъ, сей Богъ Боговъ предвѣчной,
И сущность коего въ любови безконечной,
Кому вся тварь дитя, чьей воли все есть плодъ;
Сей, говорю, отецъ, источникъ всѣхъ щедротъ,
Чтобъ наказать нашъ шаръ преступный и плачевный
Гдѣ ярости его слѣдъ зрится нынѣ гнѣвный,
Благоволилъ чтобъ духъ свирѣпъ, не умолимъ,
И яростенъ леталъ по областемъ земнымъ.
Сей духъ есть мрачный духъ, гонитель смертныхъ злост-
И сѣющъ на земли мученій плодъ не сносный; (ный,
Онъ смертныхъ на главу всѣ бѣдствія собралъ,
Кровавый мечь своей рукою исковалъ,
Онъ пламенникъ войны возжегъ и внесъ раздоры,
И громъ, чѣмъ насъ разятъ небесны въ гнѣвѣ горы

Сей громъ, сей страхъ, сію божественную месть,
Умѣлъ отъ высоты похитить и унесть,
И силой онаго сталъ смертныхъ онъ губитель;
Сей беззаконій всѣхъ источникъ и родитель
Изъ ада самаго исторгъ металлы намъ,
Мы имъ устремлены несемся по волнамъ;
Сей духъ теченіе дней нашихъ сокращая,
И тысящи гробовъ подъ нами изрывая,
Весь свѣтъ преобратилъ въ одинъ пространный гробъ,
Свергаетъ онъ вѣнцы съ помазанныхъ особъ;
Своимъ могуществомъ земныя рушитъ царства,
Нероновъ, Кромвелевъ исполненныхъ коварства
Возводитъ на престолъ своею онъ рукой,
Онъ Карла перваго подвергнулъ смерти злой;
Онъ бременемъ народъ отягощаетъ слезнымъ,
Мы стонемъ отъ него подъ скипетромъ желѣзнымъ,
Въ сердцахъ владыкъ, что въ страхъ приводятъ смертныхъ родъ,
Щедротамъ, благости онъ заключаетъ входъ,
Сей духъ, котораго мы жертвою мученій,
Отъ вѣка былъ отецъ злодѣйствъ и преступленій,
Всякъ добродѣтельный разимъ его стрѣлой,
Не долженъ ожидать, какъ только смерти злой,
Успѣхъ и щастіе людей его смущаетъ,
На всякой лавръ свой ядъ онъ смертный изливаетъ,
Онъ дхнетъ и фурія воспламенившись вдругъ,
Назвавшись Завистью земной тревожитъ кругъ,
Скрежещетъ, мучится онъ зря людей блаженныхъ
Онъ кровь и слёзы пьетъ нещастьемъ утѣсненныхъ,
За радостную пѣснь ихъ стонъ плачевный чтитъ
И мстительнымъ всегда онъ пламенемъ горитъ,
Со вздохами изъ устъ его течетъ свирѣпство;
Вся радость въ томъ его, чтобъ дѣлать зло и бѣдство.

Онъ зритъ, что мужество безстрашныхъ сихъ пловцевъ,
Готовится сорвать геройскихъ палмъ вѣнцевъ,
Зерцало щастія, два сéрдца сопряженны,
Онъ зритъ... и сѣти вдругъ его коварствъ сплетенны,

Ужѐ на оный брегъ мучитель полетѣлъ,
Гдѣ ярость злобную исполнить онъ хотѣлъ.
Среди морей, что путь предѣловъ сокровенныхъ,
Отъ глазъ Европы всей наукой озаренныхъ,
До сихъ временъ хранятъ не вѣдомъ и сокрытъ,
Твердыня каменна возвысившись стоитъ,
Къ ней приразясь волна со страхомъ убѣгаетъ,
И небо на нее во ужасѣ взираетъ;
Оно тамъ слабый лучь и блѣдный свѣтъ ліетъ
Что въ вящшемъ мракѣ вспять на высоту течетъ;
Подошва сей горы въ дно бездны углубилась,
Отъ высоты своей не зримою сокрылась;
Плачевный рокъ судовъ и смерть лежитъ при ней,
Остатки бѣдственны премногихъ кораблей,
Отломки мачтъ, тѣла и члены раздробленны,
Къ брегамъ симъ бурею нещастно устремленны;
Съ отверстыми усты, отчаянъ и смущенъ
Ослабшихъ рукъ вотще усильемъ подкрѣпленъ,
Тамъ зрится Ужасъ плыть къ свирѣпой сей твердынѣ,
Но ею отраженъ является въ пучинѣ.
Тамъ страшный смертный вопль пронзивъ собою слухъ,
Стрѣлами вдругъ язвитъ сердца и томный духъ,
Чрезъ клятву съединясь всѣхъ вѣтровъ сонмъ свирѣпыхъ
Шумитъ на сихъ мѣстахъ плачевныхъ и не лѣпыхъ,
И бурной яростью онъ дышетъ вѣчно въ нихъ,
Опустошая все тиранствомъ устъ своихъ;
Тамъ погруженный Фебъ во мракъ густой трепещетъ,
И стрѣлъ златыхъ съ высотъ эфирныхъ онъ не мещетъ,
Отъ вѣка въ собранныхъ тамъ облачныхъ горахъ,
И въ черныхъ день отъ дня сгущаемыхъ парахъ,
Ужасныхъ демонъ бурь въ неистовствѣ стенящій,
Гремитъ, свирѣпствуетъ всѣмъ съ гордостью прещящій,
Онъ вѣтровъ на крилахъ бунтующихъ сидитъ,
Онъ на главѣ своей всѣ непогоды зритъ,
Отъ волосовъ его рѣка стремится черна,
На яростномъ челѣ со прахомъ буря серна,

Изъ впалыхъ глазъ стремитъ онъ молнію и блескъ,
Изъ адскихъ устъ его несется громъ и трескъ;
Съ стихіями одинъ во брани онъ всечастной,
Онъ свѣтлость дней мрачитъ, смущая воздухъ ясной,
Десницей мѣдною удары онъ даетъ,
Отъ основанія всю землю тѣмъ трясетъ,
Онъ бѣшенствомъ своимъ моря смущать летаетъ,
Во средоточіи онъ ада обитаетъ.
„ Стремись отмстить меня мой братъ, мой вѣрный
На берега сіи пренесшись злобный духъ, (другъ,
Рекъ демону сему нечестіемъ кленяся.
Отмсти, излей твой гнѣвъ всей бездной укрѣпяся,
Во Португальцахъ ты всю крѣпость сокрушай
Ихъ предпріятіе продерское карай,
И мужественно стань ты славѣ ихъ противу,
Геройскихъ дѣйствій токъ прерви и мысль кичливу,
Лети, да мудрость ихъ разрушится тобой,
Да не навидимы сердца двухъ смертныхъ мной.
Увы! о коль они и въ бѣдствіяхъ блаженны!
Да ощутятъ въ себѣ весь гнѣвъ твой истощенный,
Лети! да отъ твоихъ ударовъ смертныхъ зрятъ,
Что ты всегда мнѣ былъ и будешъ вѣчно братъ.
Онъ рекъ, ужѐ отъ узъ всѣ вѣтры разрѣшились,
Вдругъ буря съ нощію къ свирѣпству устремились;
Чрезъ громы страшные, чрезъ молній быстроту,
Подьемлются валы, какъ горы въ высоту;
Скрежещутъ и кипятъ въ дали морскія бездны,
И небо въ ужасѣ покрыло взоры слезны.
Тебѣ, любовница, достойна горькихъ слезъ!
Грозяща истинна нисшедшая съ небесъ,
Чрезъ мрачный сонъ, чрезъ сонъ печальный и ужасный,
Явила съ точностью твой рокъ, твой рокъ нещастный;
Скажи, что дѣлала ты въ страхѣ сихъ премѣнъ?
Твой взоръ померклый былъ отъ свѣта удаленъ,
Ты въ нѣдрахъ нѣжныя любви себя скрывала,
Она тебя обьявъ слезами орошала.

Твой

Твой жалостный супругъ не мысля о себѣ,
Смущался трепеталъ лишъ только о тебѣ.
Не зрѣлъ онъ ни кого, кромѣ тебя и сына,
Васъ покрывала двухъ его душа едина.
Мгновенно грозна смерть изъ адскихъ безднъ изшла,
И понта на валахъ не медля возлегла,
Вдругъ молнія летитъ мракъ бездны отверзаетъ,
И тѣхъ, которыхъ смерть на жертву избираетъ;
Свергаетъ въ черну хлябь въ ужасныи мѣста,
Повергла и сомкнулъ не сытый адъ уста.
Тутъ буря, мракъ, Эолъ свой гнѣвъ усугубляютъ.
И надъ нещастными удары умножаютъ;
Ихъ предводя гремитъ свирѣпый адскій духъ,
Стремятся вси они съ нимъ флотъ разсыпать вдругъ,
Едину ужаса пловцы картину зрѣли,
Очей ихъ свѣтъ изчеѣ и лица ихъ блѣднѣли,
Одно рыданіе и страшный только стонъ,
Неслися по валамъ, смущали горизонъ,
Тамъ воплей тысящи иа небо устремлялись,
Но имъ отринуты водъ въ бездну погружались,
Отломки мачтъ, тѣла несутся по водамъ.
Игралищемъ служа и смерти и волнамъ.
Виновникъ зла сего самъ радуяся плещетъ,
Ожесточается и яростнѣй скрежещетъ:
Корабль, что несъ свое нещастіе съ собой,
На камень устремилъ онъ самъ своей рукой,
Разрушилъ,, и Рамиръ въ пучину упадаетъ,
Держа все то, что онъ себѣ предпочитаетъ.
Въ семъ новомъ бѣдствіи тягчайшемъ протчихъ бѣдъ,
Власть полную надъ нимъ любовный огнь беретъ,
Одною онъ рукой обьялъ жену и сына
Чтобъ не похитила ихъ яростна пучина;
Онъ сердце и его восторгъ и крѣпость силъ,
И бодрость всю тогда въ сей мышцѣ заключилъ:
Толь дивны подвиги одной любви сразмѣрны,
Ея усилій плодъ, дѣла не имовѣрны;

Другою онъ плыветъ сражаяся съ судбой
Съ волнами, съ вѣтрами со смертною косой.
Тутъ часто бурный валъ являя всю свирѣпость;
Дерзаетъ утомлять его десницы крѣпость,
И имъ несомое сокровище отьять.
Но нѣжная любовь, что зрѣлась возрастать,
Рамиру, коего все тщетно угнѣтаетъ,
Силъ смертныхъ мужество превышше изливаетъ.
То вдругъ несется онъ къ небеснымъ облакамъ,
То низвергается онъ ада ко вратамъ,
Ему блескъ молнiи, блескъ грозный и плачевный
Являетъ смерть... Сiя простерши руки гнѣвны,
Его въ пучинѣ водъ стремится погрузить,
Но что въ немъ бодрый духъ, что можетъ сокрушить!
О небо! можно ли, чтобъ смертной слабой бренный
Отчаянъ, и въ волнахъ судбою притѣсненный
Толь много мужества и бодрости имѣлъ,
Сiя ли смертныхъ часть, и сей ли ихъ предѣлъ?
Рамиръ влюбленъ. Его рука побѣдоносна,
Не то, чтобъ уступить свирѣпству рока злостна,
Но вящшую еще раждала крѣпость въ немъ.
Его душа всегда горя любви огнемъ
Въ обьятiи своемъ держала заключенно,
То прелюбезное то бремя драгоцѣнно,
Для жизни коего равно сама она
Въ Рамировой рукѣ была заключена.
Такъ кокошъ бодрствуетъ надъ робкими птенцами;
Соединяетъ ихъ, содержитъ подъ крилами,
Коль ястребъ врагъ его подъ облакомъ летитъ,
И быстрый свой полетъ къ его птенцамъ стремитъ.
Ко слабой помощи не щастный прибѣгаетъ,
И жизнь свою спасти еще Рамиръ желаетъ,
Ту жизнь, на коей нить утверждена тѣхъ дней,
Что жизни для него любезнѣе своей;
Такъ прежде Лахезисъ пылая мстящимъ гнѣвомъ,
Жизнъ Мелеагрову съ полусожженнымъ древомъ

И смертную судьбу свирѣпо сопрягла,
Которо пламенемъ въ безумствѣ мать сожгла;
Рамиръ ту жизнь спасти отъ волнъ жестокихъ тщится,
За кою самъ стократъ умреть не устрашится,
Онъ древо, что неслось по верьхъ воды морской,
Старался ухватить простертою рукой,
Но въ древо будтобы тотъ злобный духъ вселился,
Кои мщеніемъ противъ Рамира ополчился,
Оно изъ подъ его десницы утекло,
И жизнь Рамирову съ собою увлекло.
Дабы умножить страхъ и ужасъ толь безмѣрный
Ночь темная вездѣ сгустила облакъ черный.
Вѣщаютъ будтобы во крайности такой
Небесной отроча блестяще красотой,
Какъ молнія съ высотъ пустилося эѳирныхъ,
Чтобъ волны разсѣкать полетомъ крилій мирныхъ,
И чудодѣйственныхъ жезломъ ударивъ ихъ,
Спасительной рукой изъ самыхъ нѣдръ морскихъ,
Возвысить предъ лицемъ Рамировымъ лампаду,
Чтобъ излила она ему лучей отраду,
И освѣтила бы предъ нимъ пространный гробъ,
Предуготованный на днѣ морскихъ утробъ.
Такъ путешественникъ заблуждшій межъ лѣсами,
Чрезъ неизвѣстный путь но скорыми стопами
Стремится и летитъ тому лучу во слѣдъ,
Что чрезъ сгущенный лѣсъ являетъ слабый свѣтъ.
Прекрасный отрокъ сей отъ высоты Эѳира,
Слетѣвшій чтобъ изъять отъ наглыхъ волнъ Рамира,
Былъ нѣжный Купидонъ любви сладчайшей Богъ,
О! естьлибъ онъ спасти любовника возмогъ!

Въ близи (*) бреговъ въ честь той планетѣ посвящен-
Что сребрены лучи въ предѣловъ отдаленныхъ (ныхъ
На полукружіе, гдѣ мы живемъ, ліетъ,
Когда подземнымъ Фебъ златой являетъ свѣтъ,

Б 5 Близъ

(*) Близъ острова Мадагаскара посвященнаго лунѣ.

Близъ острова сего обильнаго плодами,
Гдѣ царствующая Ѳетида надъ волнами,
Пловцу ослабшему отъ тягостныхъ трудовъ,
Пристанище даетъ спасая отъ валовъ;
Есть островъ и другой, но ахъ! со всѣмъ отмѣнный
Домъ злополучія и край всего лишенный,
Тамъ издыхаетъ вся природа отѣснена,
И въ скорбныхъ горести цѣпяхъ заключена,
Стеняща вопіетъ, вседневно воздыхаетъ;
Тамъ принужденно Фебъ лучь свѣтлый изливаетъ,
Такъ былъ не лѣпъ сей міръ въ начатіи своемъ,
Когда еще страны и всѣ предѣлы въ немъ,
Въ жестокихъ тяжка сна заклепахъ содержались,
Пустыней темною и бездною казались,
Поверхъ которыя на тягостныхъ крилахъ
Носился мракъ вездѣ распростирая страхъ.
Въ противныхъ сихъ поляхъ со Флорою Помона
Не ставятъ никогда великолѣпна трона,
Печальну землю ихъ презрѣнну отъ небесъ
Не орошаетъ въ вѣкъ Аврора токомъ слезъ.
Зеленой ризы тамъ не видно надъ холмами;
Не разпещряются долины ихъ цвѣтами,
Не извиваются струи въ пустыняхъ сихъ,
Не услаждаютъ слухъ журчаньемъ водъ своихъ,
И нѣжныхъ птичекъ тамъ неслышно трелей стройныхъ,
Летятъ они отъ мѣстъ сухихъ, безплодныхъ, знойныхъ,
А естьли хоть одну не щастливый полетъ,
На сей свирѣпый брегъ чрезъ море пренесетъ,
Бываетъ такова возвѣстницей страданій,
Пророчицей скорбей, печалей и стенаній.
И наконецъ земля въ свирѣпости своей,
Отъ мѣдныхъ нѣдръ одной приличныхъ только ей
Въ сей варварской странѣ единый тернъ раждаетъ,
Безчувственный песокъ и камни изращаетъ,
Оставя мрачныя эребовы мѣста
Чудовищъ въ мѣстѣ семъ живетъ одна чета.

Котора съ сихъ бреговъ, съ своихъ предѣловъ вѣчныхъ
Стремясь усиліемъ полетовъ быстротечныхъ
Летитъ опустошать собой пространный свѣтъ
Когда ее къ тому злость Атропы зоветъ.
Одно изъ нихъ есть *гладъ* всегда собой снѣдаемъ,
Какъ вѣчнымъ враномъ самъ собой всегда терзаемъ,
Духъ злобы что ему и бытіе самъ далъ,
Мертвитъ его но такъ, чтобъ онъ не умиралъ,
Другое именемъ *неплодія* зовется,
Изъ устъ его всегда и смерть и зной несется,
Отъ взора гнѣвнаго злакъ вянетъ по лугамъ,
Поверженна стенетъ земля къ его ногамъ.
Сихъ мѣстъ отъ благости небесной отчюжденныхъ,
Препобѣдивъ валовъ свирѣпство разъяренныхъ,
Всѣ духа злобнаго усилія и гнѣвъ,
Всѣхъ адскихъ демоновъ жестокость одолѣвъ,
Лишенный силъ едва дыханіе имѣя
И духа жизненна послѣдней искрой тлѣя,
Котору Богъ любви въ немъ тщится удержать,
Сихъ мѣстъ, уже едва имѣя мочь стоять,
Готовъ на брегѣ пасть подъ смертною косою,
Рамиръ достигъ, неся, что мило, все съ собою.
Въ началѣ не къ себѣ онъ мысли обратилъ,
Но къ жизни, кою онъ всего священнѣй чтилъ,
Къ предмету, что его собой одушевляетъ,
Къ которому въ немъ духъ, какъ къ Божеству пылаетъ,
Весь взоръ его очей къ Эльвирѣ устремленъ,
И духъ его къ ея пріятствамъ пригвожденъ,
О небо! что сей видъ, Рамиръ гонимъ судьбою!
Зритъ сына своего съ супругой предъ собою...
Надъ ихъ главами смерть простерла свой покровъ,
Стопами адовыхъ касаются бреговъ.
Вопль горестный Рамиръ съ любовнымъ испущая,
Супругу нѣжную и сына обнимая,
Лобзаній въ тысящи онъ сердце раздѣлилъ,
Онъ душу имъ свою и жизнь во грудь излилъ,

Стократно онъ Эльвирь въ объятія пріемлетъ
Она любовницы стократъ названье внемлетъ.
И божества... но что и имя таково
Не сильно изъяснить всей нѣжности ево.
Съ горячностью ее онъ къ персемъ прижимаетъ,
Прелестны очи ей слезами орошаетъ,
И сердце прилѣпивъ къ устамъ сей красоты,
На коей смертныя являлися черты,
Послѣдней живности быть хочешъ обновитель:
То Прометей, то онъ щастливый похититель,
Огня божествеина горяща въ небесахъ,
То онъ, что лучь живой нося въ своихъ устахъ,
Въ грудь твари своея и своего искуства,
Стремится огнь излить и животворны чувства.
Такой любви чудесъ нѣтъ выше ни какихъ,
Толь чистой искрою Рамиръ лобзаній сихъ,
Возмогъ бы въ мраморѣ открыти чувствій пламень,
И жизни духъ излить въ жестокій самой камень,
Ахъ! что ты дѣлаешь о нѣжный мужъ? постой...
Эльвирь и сынъ ея пусть вѣкъ скончаютъ свой;
Постой... На нихъ ужѐ сна смертнаго оковы,
И души ихъ ужѐ оставить плоть готовы,
Умри ты съ ними здѣсь, скончай свою напасть,
О естьли бы ты зналъ, что горестная часть
Постигнетъ впредь тебя, и что судебъ рукою
Мечь острый надъ твоей взнесенъ ужѐ главою.

Отверзла на конецъ свой взоръ на свѣтъ Эльвирь,
Не солнце зришъ сперва, но зрится ей Рамиръ.
Ты живъ, ты живъ моей о цѣль любви безмѣрной!
И жизнь тобой дана твоей супругѣ вѣрной!
О небо! я ударъ винить могули твой!
Любезной мнѣ супругъ и сынъ спасенъ тобой!
Рамиръ! пусть нынѣ духъ нашъ въ крѣпость облечется,
Тебя я зрю, чего желать мнѣ остается?
Съ тобою буду жить въ пустынныхъ сихъ мѣстахъ,
Когда ты въ нихъ, они какъ рай въ моихъ очахъ.

И знай, коль ты отрешь мои потоки слезны,
Мнѣ слезы таковы пребудутъ въ вѣкъ любезны.
Кто можетъ возмутить спокойство нашихъ дней?
Въ чемъ зло мое? въ любви пребуду въ вѣкъ твоей.
Любовь моя, Рамиръ отвѣтствуетъ рыдая,
Любовь тебя губитъ, супруга дорогая!
Она тебя волнамъ свирѣпымъ предала,
Она тебя въ сію пустыню привела;
И се, о Боже мзду горячность получаетъ!
Моя рука, моя Эльвирѣ грудь пронзаетъ!
Ахъ! безъ сомнѣнія, супруга вопіетъ,
Печаль твоя ударъ мнѣ пагубный даетъ;
Не лей предъ мною слезъ, я оныхъ устрашаюсь,
И больше видомъ ихъ, чѣмъ страшныхъ мукъ терзаюсь,
Ахъ! мнѣ ли можно твой духъ томный ободрить,
И погасающу въ немъ бодрость воспалить,
Отринь твой страхъ о мнѣ, твоей супругѣ страстной;
Духъ мужество во мнѣ растетъ съ судбой нещастной,
Скрѣпимся. Пусть умру, коль нужно то судьбѣ,
Но близъ тебя умру и оживу въ тебѣ.
Но мыслей удалимъ видъ грозныхъ и мятежныхъ,
Богъ праведенъ и онъ сердецъ зиждитель нѣжныхъ,
Онъ покровитель ихъ; не можетъ попустить,
Дабы любовь могла мнѣ къ смерти путь открыть.
Коль въ сихъ мѣстахъ живутъ свирѣпые народы,
Моя любовь смягчитъ жестокость ихъ природы,
Чудовища на сихъ брегахъ живутъ одни?
Сей нѣжности огнемъ растаютъ и они.
Я въ силахъ умягчить жестокій самый камень;
Я сердце нѣжное, любовный сладкій пламень,
Пріятства чувствъ моихъ и живости моей,
И душу наконецъ здѣсь дамъ природѣ всей.
Вся тварь, какъ я, тобой здѣсь будетъ восхищенна,
Пойдемъ узнать, намъ смерть ихъ жизнь опредѣленна.

Рекла, и нѣжностью преподбѣждая страхъ,
Веселый кажетъ видъ въ лицѣ и на очахъ,

По-

Потоки слезъ и скорбь внутрь сердца прогоняя
И къ персемъ нѣжнаго младенца прижимая,
Къ симъ роковымъ мѣстамъ предшествуя течетъ,
Гдѣ поле бѣдствій всѣхъ ее нещастну ждетъ.
Рамиръ печалію не сносною пожертый,
Имѣя къ небесамъ со дланьми взоръ простертый,
Рыданьемъ, вздохами стѣсняя скорбну грудь,
Послѣдуетъ своей супуугѣ нѣжной въ путь;
Онъ цѣлію очей Эльвирь одну имѣетъ,
Онъ зритъ ее, но рѣчь сказать языкъ немѣетъ.
Въ слезахъ его, въ слезахъ готовыхъ течь рѣкой,
На пасмурномъ челѣ, дышалъ гдѣ рокъ презлой,
Теченье гдѣ судьбы себя изобразило;
На всѣхъ его чертахъ читать удобно было,
Тѣ страшны случаи, превратности временъ,
Которыхъ бременемъ онъ будетъ угнетенъ.
Коль въ свѣтѣ самыя простѣйшія искуства,
Умѣютъ привлекать своимъ пріятствомъ чувства,
О Человѣчество, Природа и Любовь,
Пусть вашъ плачевный вопль услышанъ будетъ вновь?
Пусть ваши жалобы и нѣжны вздохи нынѣ
Цвѣтъ съ жизнію дадутъ печальной сей картинѣ
Утѣхой слезы лить къ ней привлеченъ и я
Надъ нею тщательно трудится кисть моя.
Вы нѣжные свои цвѣты соедините,
Своихъ прискорбныхъ слезъ потокомъ ихъ мочите,
Вспомоществуйте мнѣ вы кистію своей,
Своими прелестьми украсьте образъ сей,
Представте сей четы и взоръ и видъ смущенны,
Да вашими сердца чертами всѣ смягченны
Супруговъ сихъ печаль почувствуютъ въ себѣ,
Какъ будто и они страдали въ сей судьбѣ!
О ты! на коего премудрый уповаетъ,
Котораго онъ чтя любовію пылаетъ!
Всещедро божество и смертныхъ всѣхъ творецъ,
Со кротостью на всѣхъ взирающій отецъ!

Знакъ

Знакъ тлѣнна вещества сіи толь страшны бѣдства;
Печать ничтожества, судебъ премѣнныхъ слѣдства,
Стрѣлами рукъ твоихъ возможно ли почесть,
Летящими съ высотъ для земнородныхъ въ месть?
Имѣетъ ли нашъ шаръ печальный и плачевный
Живущихъ на себѣ, на коихъ громъ твой гнѣвный
Возмогъ бы тяжкія удары истощать
И ярость мстительну на нихъ ожесточать?
Подъ пагубной сія чета звѣздой рожденна,
Нещастья и любви союзомъ сопряженна
Влекома яростью разгнѣванныхъ небесъ,
Идетъ въ сіи мѣста, въ жилище горькихъ слезъ,
Которо видя ихъ ужастнѣй видъ являетъ,
И взора смертнаго врагомъ себя считаетъ,
Усугубленъ былъ страхъ съ неплодіемъ вездѣ,
Утѣшительныхъ мѣстъ не видѣли нигдѣ,
Не умолимая земля подъ ихъ стопами,
Вооружаетъ путь кремнистыми стезями,
И нѣдра заключа твердѣйши, нежель мѣдь
Не изращаетъ имъ и грубыхъ травъ во снѣдь.
Ихъ ноги робкіе любовью только тверды,
Находятъ, что сіи поля не милосерды
Со вящшей лютостью вездѣ поглощены,
Отъ духа злобнаго, которымъ преданы
Свирѣпствамъ, что страшатъ природу нещастливу,
Однакъ сія чета стремится имъ противу.
Надежда, ахъ сей богъ, сей благотворный духъ,
Нещастливыхъ людей единый вождь и другъ,
Сей обаятель, что намъ очи закрывая,
Чрезъ все теченіе дней нашихъ намъ лаская,
Насъ въ невозможныя желанія ведетъ,
Она, предъ ними свой, увы! сокрыла слѣдъ.

Боготворимая красавица Рамиромъ,
Воспитанна во всемъ и нѣгой и Зефиромъ,
Пріятства ногъ своихъ, которыхъ бѣлый видъ,
Чистѣйшій алебастръ привесть возмогъ бы въ стыдъ,

Которы самъ Эротъ невинно улыбаясь,
Стократно лобызалъ, ихъ нѣжностью прельщаясь,
Обезображенны, растерзанны, въ крови,
Узрѣла... но стенать не хощетъ отъ любви,
Такъ, честь Карійскихъ странъ, слонова кость казалась,
Коль бѣлизна ея съ багряностью сливалась.
Таковъ и розѣ видъ Аврора! ты даешь,
Какъ въ утренни часы ей слезны капли льешъ.
Коль острая стрѣла Рамиру грудь пронзаетъ!
Летитъ онъ ей къ стопамъ, летитъ и упадаетъ,
Съ слезами прилѣпя онъ къ нимъ уста свои,
Внутрь сердца извлекалъ ея крови струи.
Нещастіемъ своимъ Эльвирь не устрашенна,
Стенала, горестью Рамировой смущенна.
Сей брегъ, гдѣ адскій духъ не истовствомъ дышалъ,
Сей брегъ для нихъ вездѣ печальнѣй видъ являлъ,
Эльвирь, которыя безсильна женска крѣпость
Стремится одолѣть во тще судьбы свирѣпость,
При всей своей любви покорствуя бѣдамъ
Упала наконецъ къ любовничимъ стопамъ.
Рамиръ возможную здѣсь бодрость воспріемлетъ,
Онъ сына и ее на рамена подъемлетъ.
Изображаешся таковъ и ты, Эней!
Когда ты уцелѣвъ отъ острія мечей,
Летѣлъ сквозь огнь и смерть и чрезъ кровавы члены,
Боговъ и рождшаго неся за градски стѣны.
Но сей нещастливый какъ свыше укрѣпленъ,
Въ сіе мгновеніе претягостныхъ временъ.
Любезнѣй бремя несъ, чѣмъ всѣ Языковъ боги,
Онъ саму несъ любовь въ сіи минуты строги,
Но самъ всю крѣпость силъ трудами истощивъ,
Стѣсненъ печалію ужѐ едва и живъ,
На мѣдно сей земли лице онъ упадаетъ.
Такъ все прегрозный рокъ во свѣтѣ низлагаетъ!
Ужѐ сію чету не щастну гладъ терзалъ.
Рамиръ, что о своей супругѣ лишь стеналъ;

И

И меньше чувствовалъ свои напасти злыя,
Вотще протекъ чрезъ всѣ мѣста сіи пустыя,
Не могъ себѣ, увы! онъ пищи въ нихъ снискать,
На вопль его ничто не хочетъ отвѣчать,
Нѣтъ пищи той для нихъ, что всѣ чудовищъ роды
Имѣютъ въ даръ себѣ отъ щедрыя природы.

О пагубна земля! какъ не смягчишся ты
Надъ горестьми сея не щастныя четы?
Но ахъ къ тебѣ мольбы самой любови тщетны,
Тебѣ и слезъ ея потоки не примѣтны!
Которые твое сухое нѣдро пьетъ;
Твой брегъ чрезъ то еще свирѣпѣй видъ беретъ.

Эльвирь тогда себѣ свой долгъ напоминаетъ,
Что мать она, что мать, то въ мысли обращаетъ,
Зритъ сына, вкупѣ съ нимъ свое нещастье зритъ,
Прими, открывши грудь изсохшу, говоритъ
Прими последню жизнь, прими о сынѣ любезный,
Похититъ и ее мгновенно случай слезный?
Смотри, увядшая хладѣетъ грудь моя,
Въ ней жизнь уже едва осталася твоя,
А мнѣ, мнѣ смерть ничто, какъ даръ щедротъ предвѣч-
(ныхъ;
Прими изъ сихъ сосцевъ остатокъ каплей млечныхъ,
Что естествомъ еще въ груди оставленъ сей,
Ахъ! скоро я тебѣ, цѣль нѣжности моей,
Чтобъ испытать судебъ гоненья всѣ жестоки,
Не въ силахъ буду дать, какъ только слезны токи:
Но что я зрю? Рамиръ, ты слезы льешъ стеня!
Мнѣ скорбь мою прости, не обвиняй меня.
Умѣю, побѣждать судбу мою и бѣдства,
Стенаніемъ тѣснятъ мнѣ грудь сыновни слѣдства,
Я плачу о тебѣ! ты дышешъ въ сынѣ семъ
А мнѣ, какой мнѣ страхъ въ нещастіи моемъ:
Что близъ тебя умру, уста мои вѣщали
Скрѣпимся мы еще надеждой въ сей печали,

Престанетъ, можетъ быть, судьба не щастныхъ гнать,
И утомится насъ стрѣлами поражать.
Уже спѣшилъ утечь отъ сихъ бреговъ свѣтъ дненый
И возраждаясь въ нихъ повсюду мракъ плачевный,
Несносну Грусть съ собой и Ужасъ въ слѣдъ ведетъ;
Въ уединеніи чета сія живетъ;
Уже изъ нутръ его пещеръ печальныхъ, темныхъ,
Страшилищъ полкъ летитъ, призраковъ сонмъ подземныхъ,
Всѣ демоны подъ тѣнь густую притекли,
И на брегахъ сея разсыпались земли.
Такъ враны изъ своихъ убѣжищъ вылетая,
Полетомъ, голосомъ нещастье предвѣщая,
Крилъ множествомъ своихъ лице небесъ мрачатъ
Носясь поверхъ гробовъ, гдѣ мертвые лежатъ.
Подъ чернымъ на земли покровомъ темной ночи,
Сокрытъ есть Сонъ, не тотъ, что легко наши очи;
Смыкаетъ и во всѣ въ насъ чувства сладость льетъ,
И ложъ пріятную во слѣдъ себѣ ведетъ,
Всѣ мысли радостнымъ мечтаніемъ питаетъ,
И духъ нашъ полнъ утѣхъ въ часъ утра оставляетъ;
Но Сонъ, что смерти мы обыкли братомъ звать,
Которой только скорбь приходитъ умножать,
И тяжки налагать на смертный родъ оковы,
Сей сонъ пріялъ Эльвирь въ обьятія свинцовы,
На очи, коихъ взоръ спокойства убѣгалъ,
На очи онъ ея свой черный макъ металъ;
Отчаянье одно съ Рамиромъ бдитъ въ печали,
Онъ слезы истощилъ и течь они престали;
Коль буря страшная въ душѣ его и мракъ?
Онъ зритъ, онъ зритъ, и что? плачевный тѣней зракъ
Въ оковы ужаса онъ самъ себя ввергаетъ,
И естьли томный взоръ къ Эльвирѣ обращаетъ,
Стрѣлъ тысящію смерть его пронзаетъ духъ,
Коль въ разны, вопитъ онъ, я скорби ввергенъ вдругъ!
Эльвирь! къ которой я всегда благоговѣю,
Которыя въ душѣ я жизнь свою имѣю,

Отъ

Отъ радостныхъ бреговъ, гдѣ воспиталась ты;
Гдѣ красный Фебовъ лучь лiется съ высоты,
Изъ рукъ родителей толь нѣжныхъ и почтенныхъ;
Отъ странъ отечества плодомъ обогащенныхъ,
Лишъ только для того похищена ты мной
Дабы притти, гдѣ свѣтъ предѣлъ кончаетъ свой
И чтобъ подвергнуться напастемъ самымъ злостнымъ;
Потомъ и смерть подьятъ съ мученiемъ несноснымъ;
О небо... съ словомъ симъ его печаль и страхъ,
Усугубляется, растетъ въ его очахъ:
Мечтается ему, что какъ бы черны враны;
Призраки всѣ, ума отчаянна тираны,
Чрезъ Атропу, ему что мстила, собраны
Со альностью къ нему летятъ раздражены;
Страшилищъ видитъ онъ со яростью текущихъ;
Кинжалы, стрѣлы, огнь и страшный громъ несущихъ;
Онъ грозну видитъ смерть и мрачный съ нею адъ,
Всѣхъ чувствiй члены въ немъ объемлетъ, ужасъ, хладъ;
Се привидѣнiе покрыто кровью, прахомъ,
Живущимъ во гробахъ сопутствуемо страхомъ,
Разстерзанъ на себѣ нося и черный покровъ,
Съ свѣтильникомъ въ рукахъ ведущимъ въ тму гробовъ,
Имѣя на челѣ всѣ бѣдства начертанны,
Приходитъ на сiи поля собой избранны;
О смертный! томный гласъ Рамиру вопiетъ,
О ты! кого судба со яростью гнѣтетъ,
Тебѣ не отвратить ея ударовъ нынѣ,
Ты знай, она твой рокъ скончаетъ въ сей пустынѣ;
Воззри! познай вину ты страха своего,
Вострепещи! во мнѣ ты духа зря того,
Что бѣшенствомъ въ поляхъ Өессалскихъ воспалился;
(*) Убiйцѣ Кесаря нещастному явился!
Вострепещи! я тотъ! повсюду я ношусь,
Я грознымъ именемъ Злощастiя зовусь.

 Мгно-

(*) Бруту.

Мгновенно сей призракъ, страшилище природно,
Какъ тонко облако разрушенно безводно,
Стонъ гнѣвный испустя съ бреговъ уходитъ прочь,
И погружается въ мѣста, гдѣ адска ночь;
Тутъ вдругъ надъ нимъ крилѣ мглы темной распустились,
Всѣ тѣни съ нощію изчезли и сокрылись;
За свѣтлостію дня грядешъ надежда ты,
И мещешъ ложный лучь и льстивыя мечты;
Но рокъ ужѐ притекъ. Ты лестною тщетою
Не можешъ обольстить гонимаго судьбою;
Завѣсу будущихъ проникнулъ взоръ его;
Онъ самуноситъ смерть внутрь сердца своего;
Онъ для Эльвиры всѣ удары ощущаетъ,
Онъ съ нею для нее нещастный умираетъ.
Межъ тѣмъ Элвнрь отъ сна смущеннаго встаетъ,
Рамира зритъ, его въ объятіе беретъ,
Казалось, что она забыла, что не щастна,
Узрѣвъ любовника въ своемъ супругѣ страстна.
Ужѐ ночь темную и страшну оной тѣнь,
Двукратно прогонялъ съ бреговъ сихъ ясный день,
Какъ гладомъ и тоской отчаянной терзаясь,
И къ смерти, на челѣ ихъ зримой, приближаясь
Рамиръ съ супругою рыдалъ въ пустынѣ сей,
Да жизнь ихъ прекратитъ, вотще прося отъ ней.
Отъ сихъ противныхъ мѣстъ день въ третій разъ
Какъ слабой лучь вдали очамъ ихъ показался; (склонялся,
Летая близко ихъ надежда, льстивый другъ,
Одушевила въ нихъ ослабшу бодрость вдругъ,
Она исторгнувъ ихъ отъ рукъ суровой смерти,
Совѣтуетъ къ сему лучу стопы простерти.
Духъ мрачный, оный врагъ Рамировъ гнѣва полнъ,
Низринувшей его на дно пучинныхъ волнъ,
Свирѣпой яростью, вредить ему, кипящій
Въ плачевныхъ сихъ мѣстахъ его еще гонящій,
На брегѣ семъ, что адъ собой изображалъ,
Самъ собственной рукой пещеру ископалъ,

Страхъ

Страхъ адскій въ кругъ ея въ собраніи не лѣпомъ,
Нарекъ сей духъ ее мученія вертепомъ,
Онъ грусти въ ней сокрылъ то сѣмя наконецъ,
Что черный ядъ ліетъ во внутренность сердецъ,
Все чувствія собой и мучитъ и терзаетъ,
Печалей горкихъ въ желчь и въ скуку погружаетъ,
Едва въ толь страшныя и мертвецамъ мѣста,
Едва въ сей мрачный гробъ вошла сія чета,
Почувствовала вдругъ печали въ немъ суровы,
И сердце въ смертные повергслося оковы.
Я самъ картины сей изображая зракъ,
Вотще хочу прогнать прискорбій черныхъ мракъ,
Я оныхъ облакомъ отвсюду окружаюсь,
Кисть падаетъ изъ рукъ, мятусь, стеню, смущаюсь.
Въ такія наконецъ мѣста, въ таковъ предѣлъ
Нещастныхъ въ ярости всезлобный духъ привелъ.
Нисходятъ, кажется, они къ брегамъ Коцита,
Вся сила ужаса на ихъ стезяхъ разлита,
Ввѣряются тому, кто въ злобѣ ихъ ведетъ;
Ихъ сердце смертный хладъ, стѣсняетъ, мучитъ, рветъ,
Но утоляющій духъ жажду слезъ ихъ токомъ,
На люту ихъ печаль веселымъ смотритъ окомъ,
Свои нечистые крилѣ на нихъ простеръ,
Онъ самъ предходишъ имъ во мрачный гробъ пещеръ,
Свѣтильникъ онъ возжегъ своей рукою злобной,
Въ которомъ тусклый блескъ надгробному подобной,
Еще печалнѣе, чѣмъ въ нашихъ ночь глазахъ,
Сіялъ, но только съ тѣмъ, чтобъ имъ представить страхъ;
Съ высотъ кремнистыя горы и пасть грозящей,
Откол мщеніе скрежеща въ злобѣ вящщей,
Готовится метать и громъ и тучи стрѣлъ,
Источникъ черный текъ и быстротой кипѣлъ,
Печаль, смущеніе, отчаянье съ тоскою,
И самый съ воплемъ адъ, влекли валы съ собою.
Тамъ на стѣнахъ лились кровыхъ слезъ струи,
Ихъ токомъ писмена начертаны сіи:

 „Здѣсь

„ Здѣсь сердце скорбію мнѣ было упоенно,
„ И мужество, лишась надежды, сокрушенно,
„ Здѣсь я отъ ярости и гладу изчезалъ,
„ И здѣсь подъ бременемъ не сносныхъ бѣдствій палъ,
Чудовищъ страшныхъ зрятъ во мракѣ сихъ селеній
Не чистыхъ сонмы птицъ и грозныхъ привидѣній,
Встаютъ отъ всѣхъ сторонъ тамъ кости мертвецовъ,
Остатки древностью разрушенныхъ гробовъ,
Какой ужасный вопль! какой отзывъ плачевной!
Подъ сводомъ носится въ стѣнахъ пещеры гнѣвной!
„ Рамиръ! не въ силахъ ты всѣхъ бѣдствій претерпѣть...
„ Предъ смертью долженъ ты стократно здѣсь умреть...
„ Пусть сердце здѣсь твое удары всѣ пронзаютъ,
„ Пусть всѣ удары грудь Эльвиры поражаютъ!
Въ печали, въ ужасѣ и смерти при вратахъ,
На гладной сей землѣ рыдали во слезахъ,
Хотя ее смягчить горячимъ оныхъ токомъ,
Но ахъ! она была въ неистовствѣ жестокомъ!
Рамиръ стѣсняемый послѣднихъ золъ волной,
Зритъ умирающу супругу предъ собой;
Онъ видитъ, какъ она рукою изнемогшей
Увялы жметъ сосцы груди своей изсохшей,
Чтобъ сынъ, что у нее въ объятіяхъ лежалъ,
Послѣдню кровь ея, и жизнь ея пріялъ.
Чтобъ въ гробѣ семъ ихъ дни плачевны прекратились,
Во мрачну внутренность сихъ мѣстъ они сокрылись,
Я ощущаю смерть, супруга вопіетъ!
Какой жестокій гладъ, меня, о небо рветъ!
Помедли, ей Рамиръ весь внѣ себя вѣщаетъ;
Не зря на гнѣвный рокъ, которой насъ стѣсняетъ,
Исторгну изъ землѝ противной толь судьбѣ,
Для назъ хоть малу снѣдь, и возвращусь къ тебѣ...
Сказалъ Рамиръ, утекъ, и къ ней идетъ поспѣшно,
Пусть злобно естество насъ гонитъ безутѣшно,
Онъ говоритъ, едва имѣя томный гласъ,
Но я его и рокъ умѣлъ смягчить для насъ;

При-

Прими ты плоть сію послѣднюю отраду,
Для утоленія мучительнаго гладу.
Но въ сердцѣ зракъ его нося Эльвирь своемъ,
Всегда болѣзнуя со нѣжностью о немъ,
Усиліе въ себѣ природы побѣждаетъ,
И снѣдью сей ему насытиться желаетъ.
Я гладъ мой утолилъ, отвѣтствуетъ супругъ,
Ко изъясненію едва имѣя духъ;
О естьлибъ я тебя отъ глада могъ избавить,
И жизнію моей твою судьбу воставить!
Противъ предчувствія дрожащія руки,
Что отвлекалася ужасшись вопреки,
Не внемля голосу, своихъ скорбей, стенаній
И сердца своего печальныхъ воздыханій,
Со алчностью Эльвирь снѣдаетъ плоть сію,
Чтобъ тѣмъ еще продлить нещастну жизнь свою.
Мгновенно въ тотъ же часъ всѣмъ ужасомъ стѣсненна,
Встаетъ она, бѣжитъ, трепещуща, смущенна,
Бѣжитъ она отъ змій зіяющихъ предъ ней,
Отъ ада, кой она несла въ душѣ своей,
Приди, драгой супругъ! приди подай мнѣ руку...
Смущенну подкрѣпи, разрушь Эльвиры муку!
Приди, потщись мой умъ и мысли ободрить,
Коль можно чувства мнѣ и память возвратить...
Какое страшное внутри моемъ сраженье!
Коль не понятно мнѣ грызетъ меня смущенье!
То гладъ... Но ахъ, не онъ! не столь жестокъ и гладъ...
Какаяжъ мстительна та снѣдь, и что за ядъ.
Ахъ плоть сія во мнѣ жива! меня снѣдаетъ!
Какъ вранъ, какъ Фурія, мнѣ груди она терзаетъ!
Гонитель сей четы жестокъ, не утолимъ,
Да стрѣлы истощитъ и гнѣвъ не умолимъ,
Желаетъ освѣтить всю ярость дня лучами,
И чтобъ во ужасѣ смущенными очами,
Не сносной, тягостной Эльвирь узрѣла видъ,
И то позорище, что сердце въ ней крущитъ.

Въ сіе убѣжище прокрято и презрѣнно,
Признаковъ злостныхъ лучь онъ вводитъ принужденно.
Сей тусклый лучь едва померклый блескъ ліетъ,
Но чтобы видѣть все, доволенъ въ немъ былъ свѣтъ.
Я зрю, ужѐ въ сей гробъ лучи проникли дневны,
Мѣста оставимъ мы, рекла Эльвирь, плачевны,
День можетъ, возвратитъ мнѣ чувствія мои,
Тамъ очи возведу на очи я твои,
Драгой супругъ! твой взоръ единъ меня воставитъ,
Единъ отъ ужасовъ мучительныхъ избавитъ...
Но что я зрю... Рамиръ! ты весь въ крови стеня...
Разтерзанъ... Ахъ та плоть, что мучитъ толь меня...
Котора чрезъ гортань не шла во внутрь мнѣ чрева...
Стремя противъ меня природу полну гнѣва...
Была... то плоть моя была. О день! твоя!
Моя! онъ рекъ стремясь чтобъ грудь обнять ея,
Ты частью моего насытилася тѣла,
Я могъ въ любви достичь до вышшаго предѣла,
На нѣсколько минутъ я могъ твой вѣкъ продлить;
Готовъ теперь, готовъ спокойно смерть вкуситъ.
Вдругъ токи слезъ ліетъ душа его смущенна:
Въ его объятіяхъ супруга изумленна,
Со стономъ горестнымъ взирая на него
Подъ тяшкимъ бременемъ нещастья своего
Упала... гласъ ея отъ вздоховъ прекратился,
И въ нѣдрахъ нѣжнаго онъ сердца заключился.
Скрежещетъ блѣдна смерть, стремится къ нимъ съ косой,
Своей искусною толь въ варварствѣ рукой
Подъ ихъ стопами ровъ глубокой изрываетъ,
Которой сихъ ужѐ не щастныхъ поглощаетъ.
Но наконецъ Эльвирь пришла сама въ себя,
Всѣ силы разума и власть употребя,
Въ ней сердце вознеслось превыше всѣхъ стенаній
И начало дышать устами сихъ вѣщаній.
Драгой Рамиръ! ко мнѣ верхъ нѣжностей твоихъ
Естъ равно бѣдствій верхъ и горестей моихъ.

Меня

Меня жжетъ плоть твоя... и гласъ ея мнѣ мстящей
Винитъ нечестіе утробы сей горящей.
Уступимъ року мы, уступимъ злости бѣдствъ
Умремъ, расторгнемъ мы оковы всѣхъ свирѣпствъ,
Воззри! желанна смерть подъ нашими стопами,
Чего мы ждемъ? воззри; се гробы передъ нами;
Довольно я жила. Ужѐ души моей
Не тщися удержать въ нещастной плоти сей,
И пусть съ любовію отъ коей жизнь имѣетъ,
Въ которой движется поднесь и пламенѣетъ,
Пусть въ сей жестокій часъ являющъ къ смерти путь
Прейдетъ она совсѣмъ въ твою дружайшу грудь,
Къ тебѣ я первыхъ токъ желаній устремила,
Послѣднихъ нѣжностей къ тебѣ прострется сила,
Ахъ пусть Эльвирь въ твоихъ объятіяхъ умретъ,
За вѣрность мнѣ мою цѣны другія нѣтъ.
Ты знай, сія любовь не прейдетъ быстротечно,
Востану я, дабы любить тебя мнѣ вѣчно,
Она есть первый даръ, сладчайша благодать,
Какую можетъ намъ жизнь вѣчна обѣщать...
Но что я зрю! о сынъ нещастный, сынъ любезный,
Се люта смерть твои смыкаетъ очи слезны!
Се новый мнѣ ударъ, угодноль такъ судьбѣ,
Чтобъ мать твоя въ живыхъ рыдала о тебѣ!..
Рамиръ! ужѐ въ твоемъ я жизнь кончаю сынѣ..
Твой слезный токъ, твой вопль, увы! здержи ты нынѣ..
Мнѣ помощъ дай сойти на дно земныхъ утробъ...
И сыну близъ меня пусть будетъ равно гробъ,
Въ пещерѣ сей хощу почить, доколѣ время,
Придетъ, чтобъ воскресить мнѣ прахъ и смертно сѣмя..
Я умираю! ахъ съ лобзаньемъ симъ мой другъ,
Эльвиры сердце ты прими и нѣжный духъ

Сіе прелестное, боготворимо тѣло
Ужѐ ни живности, ни чувствій не имѣло,
Подобно хладный ледъ, Рамиръ его лобзалъ,
Лобзаній мраморъ сей ужѐ не ощущалъ;

РамирЪ ее пренесЪ на свѣтЪ изЪ мрака бездны,
Эльвирь еще на свѣтЪ открыла взоры слезны;
Сіе послѣднее усиліе очей,
Сей взглядЪ исполненный ея душею всей,
Рамиру сЪ нѣжностью ея любовь являетЪ
Послѣдню отЪ нея онЪ жертву принимаетЪ,
ЯзыкЪ ея ужѐ во смертныхЪ узахЪ былЪ,
Но тихо имя онЪ любовника твердилЪ;
И кЪ нѣжнымЪ чувствіямЪ ея рука рожденна,
Со твердостью кЪ груди, и кЪ сердцу прилѣпленна,
СЪ восторгомЪ знать даетЪ, и какЪ бы говоритЪ,
Что для Рамира вЪ ней еще оно горитЪ...
Скончалась... и РамирЪ вЪ тѣжЪ горестны минуты,
СкончалЪ нещастну жизнь и сЪ ней мученья люты;
Ужѐ его душа оставя плоть и свѣтЪ,
Стремится и летитЪ душЪ Эльвиры вЪ слѣдЪ;
Се облаки Любовь полетомЪ разсѣкая,
РумянецЪ и лазурь и злато разсыпая
На блещущихЪ стезяхЪ, какЪ ИрисЪ вЪ красотѣ
ЛетитЪ спускается кЪ нещастной сей четѣ;
Простерла вдругЪ надЪ ней она крилѣ блестящи,
ЧтобЪ вЪ хладну грудь вложить ей пламень вновь горящій,
ЧтобЪ чувствіемЪ еще вЪ ней сердце оживить,
И духа своего всесильный лучь излить:
ТакЪ голубица плодЪ невинный согрѣваетЪ,
ТакЪ бодрственнымЪ криломЪ живитЪ, одушевляетЪ.
Но гдѣ судбы рука, что можетЪ тамЪ любовь?
БезсиленЪ тамЪ ея и огнь и нѣжна кровь,
Любовники сіи вЪ оковахЪ вѣчной смерти,
Ужѐ на гласЪ ея не могутЪ слухЪ простерти.
ОтЪ времени сего на лютыхЪ сихЪ брегахЪ
Плачевный слышенЪ крикЪ носящій всюду страхЪ,
ТамЪ внемлется отзывЪ печальный и скорбящій
ДвухЪ тѣней плачущихЪ тамЪ вопль и гласЪ стенящій,
Еще твоя ихЪ цѣпь связуетЪ; Гименей!
ХодящихЪ купно ихЪ ты зришЪ вЪ пустынѣ сей;

Согласно все уже страны сея страшится,
Пловецъ ужасшійся оттолѣ прочь стремится,
Природа вопіетъ вседневно тамъ стеня,
Безчеловѣчіе и лютость въ ней виня,
Обиду мстя свою тамъ небо раздраженно,
Лице сея земли отринуло презрѣнно;
Чтобъ запустѣніе въ ней можно было зрѣть,
То мрачный Фебомъ лучь оставленъ въ ней горѣть,
Покрыты въ ней поля не чистой мглой и прахомъ
Нептунъ вокругъ шумитъ грозя ей бурнымъ страхомъ
Волна въ неистовствѣ пѣнясь, разсвирѣпѣвъ
Противъ ея бреговъ стремитъ свой ярый гнѣвъ.

ЗЕНОТЕМИСЪ

ПРИКЛЮЧЕНІЕ

МАРСЕЛЬСКОЕ.

Градъ Марселія преклонясь къ стопамъ счастія Кесарева лишился единаго только виду своего полномочія, и суетныхъ правъ верховной власти: но истинное величество, сіе не огроничѣнное, однако не тиранское могущество его основавшее и укрѣпившее противу всѣхъ ополченій соединенныхъ Галловъ, сіе величество происходящее отъ мудраго и просвѣщеннаго учрежденія, побѣждающее иногда злость временъ и превратностей, и по разрушеніи государствъ живущее, при немъ еще осталося. Мы видимъ, что Китайцы побѣждаемы будучи Татарами налагаютъ имъ иго, можетъ быть сильнѣйшее, то есть не премѣняемую силу своихъ законовъ и обыкновеній. Въ сей пространной части свѣта обыкновенная участь побѣжденныхъ состоитъ въ томъ, чтобъ быть наставниками, и нѣкоторымъ образомъ, законными учителями своихъ свѣрѣпыхъ побѣдителей; дикіе жители Самарканды зделались въ Пекинѣ людьми и еще просвѣщенными. Симъ-то образомъ и Римляне нашли въ Марселіи источникъ премудрости и умягчили въ ней свирѣпую свою гордость заключавшуюся въ одномъ военномъ упражненіи и почти всегда сопутствуемую успѣхами онаго. Сія столица нашихъ южныхъ провинцій была училищемъ всего свѣта, всѣ начала и основанія человѣческихъ знаній и добронравія въ ней были

были соединены; и особливо ея Сенатъ почитался святилищемъ правосудія, онъ былъ зерцаломъ для Сената своихъ побѣдителей.

Менекратъ и Зеноѳемисъ отличались въ чинѣ почтительныхъ Гражданъ, которые по своей породѣ и разуму были главою общества. Первый уже будучи въ довольныхъ лѣтахъ имѣлъ у всѣхъ уваженіе, твердо основанное на своей непорочности, на искуствѣ и знаніи законовъ, и чрезъ сіе пріобрѣлъ онъ себѣ названіе *Новаго Сцеволы*. Единородный его сынъ долженъ былъ наслѣдовать какъ сіе почтительное уваженіе такъ и сокровище его: но сей добродѣтельный Сенаторъ выше всѣхъ даровъ счастія поставлялъ честь своихъ согражданъ и свою собственную; онъ зналъ цѣну сея награды которая одна только можетъ насъ совершенно удовольствовать, и которую въ прочемъ весьма малое число начальниковъ стараются познать и показывать ревность къ ея пріобрѣтенію. Зеноѳемисъ нѣжнымъ своимъ дружествомъ совершилъ его благополучіе. Сей юноша едва оставивъ отроческіе лѣта прилѣпился твердо къ Менекрату; сія склонность возрастала съ его лѣтами, неравенство ихъ не препятствовало пріятности сего не зависимаго отъ чувствъ союза, которой приближая взаимно соединяетъ сердца и устремляетъ ихъ сообщать свои чувствія, склонности, расположенія и выгоды; дружество происшекшее изъ чистаго источника можетъ почитаемо быть страстью небесною возвышающею человѣка на самый верхъ совершенствъ вмѣстимыхъ естеству нашему.

Зе-

Зенотемисъ съ пріятностію вида и тѣлеснаго своего достоинства соединялъ высокую а притомъ къ наукамъ и добродѣтели воспламененную душу. Эввуціусъ либералисъ (a) знаменитый Ліонскій уроженецъ и рѣдкими своими качествами заслужившій себѣ похвалу безъ прекословія самую лестную, то есть, названіе *изящнѣйшаго изъ всѣхъ смертныхъ*, былъ та особа, которой Зенотемисъ по Менекратѣ другѣ своемъ старался по возможности послѣдовать.

Хармолей искуснѣйшій во свое время изъ всѣхъ знающихъ права и законы гражданскіе, и которой сочинилъ многіе о наукѣ сей книги, похищенные отъ насъ древностію, былъ отцемъ Зенотемиса; онъ воспиталъ и укрѣпилъ его въ сихъ превосходныхъ разположеніяхъ, которыя съ удивительною изящностію еще во младости его блистали. Юный Марселецъ нравственную Философію предпочиталъ всѣмъ наукамъ; преждевременная заслуга открыла ему путь къ чинамъ и достоинствамъ; самой законъ въ угодность ему былъ преклоненъ: онъ былъ холостъ и весьма еще молодъ, но по отмѣнному и почтительному изключенію былъ принятъ въ число Тимухусовъ; (b) не сомнѣвались, чтобъ онъ не достигъ

(a) Эввуціусъ Либералисъ былъ другъ Сенеки Философа и отъ него въ книгѣ о благодѣяніяхъ наименованъ изящнѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ.

(b) Тимухусами назывались шесть сотъ особъ составляющихъ Сенатъ, изъ которыхъ выбираемы были пять человѣкъ, которымъ препоручалась дѣла, и отъ нихъ тре-

стигъ въ скоромъ времени до степени пяти о себъ, и чтобъ напослѣдокъ не былъ однимъ изъ трехъ главныхъ предсѣдателей.

Домашнія дѣла принудили Зенотемиса отправиться въ Ниму, въ одно самое цвѣтущее Марсельское поселеніе, которое освятило и запечатлѣло благодарность свою, пріявъ въ себя, и какъ бы усыновивъ нѣкоторую часть оружія своихъ основателей.

Менекратъ съ сожалѣніемъ разлучался съ своимъ другомъ, онъ убѣждалъ его, какъ можно скорѣе возвратиться. Любезный Зенотемисъ, вѣщалъ онъ ему, твое дружество учинилось для меня благомъ столько же нужнымъ, сколь и драгоцѣннымъ; тобою позналъ я, что душа имѣетъ свои необходимости, и ты одинъ можешь ихъ удовлетворить. Любовь отеческая не довольна для моего сердца, ты одинъ силенъ утѣшить меня въ грусти соединенной съ воображеніемъ и заботами общественнаго правленія. Зенотемисъ! народъ есть тварь не благодарная, его не можно укротить и успокоить. Злость его противится всѣмъ благодѣяніямъ, я его знаю, и я ему служу. Я согласенъ съ тобою, что добродѣтель сама себѣ служитъ наградою: но ахъ! много есть минутъ, когда душа наша утомив-

требовалось скорое изслѣдованіе и рѣшеніе онихъ; изъ сихъ пяти три человѣка были опредѣляемы главными предсѣдателями, они по сей должности и преимуществамъ Римскимъ уподоблялись Консуламъ. Но чтобъ быть въ числѣ шести сотъ, должно было имѣть дѣтей и быть урожен̃цемъ Марсильскимъ.

мившись симЪ чуждымЪ всякихЪ выгодЪ благородствомЪ и величествомЪ требуетЪ награды со стороны чувствЪ нашихЪ! и я вЪ твоемЪ единственно дружествѣ нашелЪ сіе толь лестное утѣшеніе: твое сожитіе меня одушевляетЪ и ободряетЪ. Тяжкое бремя трудовЪ моихЪ и моей должности оно дѣлаетЪ для меня легкимЪ; оно устремляетЪ меня искать новыхЪ плесковЪ и похвалЪ: другЪ мой, возвратись скорѣе, я не знаю по чему, но признаюсь, что ты мнѣ никогда толь любезенЪ не былЪ, какЪ нынѣ. Сіе разлученіе производитЪ во глубинѣ сердца моего печаль, которая самому мнѣ удивительна, тѣмЪ паче, что я надѣюсь вЪ скоромЪ времени тебя увидѣть, прости и будь меня великодѣшнѣе, ЗенотемисЪ, приличноли намЪ уподобляться протчимЪ людямЪ? и слабость можетЪ ли быть участью чувствительности?

МенекратЪ упадаетЪ вЪ объятія своего друга, и не можетЪ сЪ нимЪ растаться, наконецЪ стократно возобновивЪ знаки и увѣренія священнаго дружества, они разлучаются.

Между тѣмЪ сынЪ одного знаменитаго Марсельца былЪ уличенЪ вЪ убійствѣ учиненномЪ во время ночи, изслѣдованіе дѣла сего поручено Менекрату: не можно было избрать судіи премудрѣе и справедливѣе. Обвиненный явился великимЪ преступникомЪ, особливо разсуждая по строгости МарсельскихЪ законовЪ, справедливость и точность дѣла была яснѣе полуденнаго свѣта, роковое казни опредѣленіе уже было готово; отецЪ и мать младаго юноши прибѣгаютЪ, повергаются кЪ стопамЪ начальниковЪ, и орошаютЪ

ихъ слезами; ахъ! возопилъ нещастный отецъ, открывая главу свою лишенную власовъ, и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ повергаясь на землю; ахъ великодушный Менекратъ, будь человѣкомъ прежде; нежели ты явишся оружіемъ правосудія, ты зришъ предъ собою поверженнаго на прахъ земный нещастнаго старика, которому единъ день остался видѣть свѣтъ солнечный, и которой чаялъ воскреснуть въ своемъ единородномъ сынѣ; но ахъ сего сына, хотятъ отъ меня отторгнуть! и какимъ ударомъ! не довольно, что онъ лишается жизни; его казнь будетъ повторяема во всегдашней памяти, она прострется на весь его родъ, и будетъ гнать меня до гроба. Менекратъ! ты самъ родитель; по истиннѣ, мой сынъ виновенъ, я того не таю, такъ онъ достоинъ всей твоей строгости, покрайней мѣрѣ наши законы того требуютъ, хотябы я и могъ его извинять представляя тебѣ въ доказательство, что его противникъ напалъ на него стремительно и первымъ мщенія ударомъ былъ поверженъ,.. смерть моего нещастнаго сына возвратитъ ли жизнь убитому? воззри на отчаянную мать не имѣющую силъ ко изъясненію; сія безмолвная печаль живо представляетъ весь ужасъ ея состоянія; великодушной человѣхъ, повели, да всѣ мы трое испіемъ смертную чашу, когда не обходимо должно отторгнуть отъ нашихъ объятій сего юношу... естьли бы ты былъ судіею твоей любезной дщери, могъли бы ты осудить ее на казнь? попустилъ ли бы ты, чтобъ мечь правосудія коснулся ея выи? сжалься надъ моею старостію: самое человѣчество рыдаетъ

предъ

предЪ твоими стопами, оно къ тебѣ мольбы и вопль свой простираетЪ; МенекратЪ! мое послѣдней дыханіе ходатайствуетЪ предЪ тобою.

ВЪ самомЪ дѣлѣ не щастный старикЪ издыхалЪ при стопахЪ МенекратовыхЪ: смягченный судія сЪ милосердіемЪ подъемлетЪ его, и равно его супругу; сердце его вняло гласу природы, гласЪ свирѣпой справедливости не столь былЪ убѣдителенЪ; строгій судія здѣлался наконецЪ человѣкомЪ чувствительнымЪ и отцемЪ приведеннымЪ на жалость чрезЪ сапое печальное зрѣлище: онЪ уступаетЪ сему поль благородному сердца движенію, которому сплещетЪ человѣчество, и которое, да страшатся смертные называть слабостію: онЪ жертвуетЪ своею должностію, но кому? единому только милосердію: преступникЪ объявленЪ былЪ не виннымЪ.

МенекратЪ былЪ столько уважаемЪ и столько щастливЪ, что не возможно было избѣжать ему стрѣлЪ зависти: его непріятели [и что можетЪ быть свирѣпѣе непріятелей воспламененныхЪ завистною ревностію] соединяются сЪ семействомЪ убитаго; они требуютЪ чтобЪ разсмотрѣть дѣло, и вновь начать слѣдствіе, убійца не смотря на благосклонность к защищенію перваго изЪ СенаторовЪ, былЪ объявленЪ виновнымЪ, и понесЪ казнь опредѣленную человѣкоубійцамЪ. По пристрастію и предубѣжданію судящая сторона, сіе слѣпое и варварское чувствіе не удовольствовалось симЪ единымЪ дѣйствіемЪ правосудія, оно ожесточается и стремится погубить судію человѣколюбиваго, увеличиваетЪ его погрѣшность, какЪ непростительное престу-

 пле-

пленіе, противное законамъ и справедливости. Менекратъ позванный на судъ, явился въ полномъ собраніи Сената, онъ не отрицается, что чувствительному состраданію уступилъ, и что оно зделалось повелителемъ его сердца, онъ не умаляетъ важности своего проступка, достойнаго въ протчемъ прощенія, поелику внималъ онъ гласу сожаленія, признается, что онъ достоинъ строгой получить выговоръ отъ своихъ сочленовъ; онъ кончаетъ речь свою испрашивая себе прощенія. Вдругъ встаетъ доноситель и обвиняетъ его во взяткахъ. Постой, говоритъ ему Менекратъ, съ благородною и непорочной душе приличною гордостію, не скверни сего священнаго собранія, не ругайся и мне; какой ужасъ для такихъ особъ, какъ мы, слышать новаго роду обвиненіе! я могъ учинить погрешность безъ сомненія достойную казни. Я нарушилъ законъ и мою должность; но дерзновеніе подозревать меня въ такой подлости!... ахъ шестидесятилетная безъ малейшаго порицанія жизнь моя будетъ моею защитою; вопроси жизнь сію, увы! очень продолжительную для моего благополучія: въ шестидесятилетномъ века моего теченіи, нетъ ни единаго дня, которой бы не отвечалъ, что я не способенъ учинить . . . Но должно ли моему языку выговорить преступленіе толь постыдное и толь подлое? уже и то беззаконіе, почтенные сочлены, что я принужденъ оправдать себя въ преступленіи неслыханномъ для васъ и для меня равно. Естьли вы предпріяли казнить меня смертію, не стараясь опорочить мою честь, я оставляю вамъ свое именіе и равно бытіе:

осуж-

осуждая меня, вы не сильны уничтожить мою честь: она всегда будетъ моею участью; противъ воли моихъ непріятелей, противъ воли васъ самихъ, она снидетъ со мною во гробъ и останется вѣчно въ памяти потомковъ.

Толь благородная и убѣдительная рѣчь не смягчила сердецъ звѣрскихъ и ревностію упоенныхъ, защищающихся ложно твердостію законовъ. Предубѣжденіе получило побѣду. Менекратъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и достоинствъ; его именія отъятіе слѣдовало за симъ жестокимъ ударомъ; но то всего не снoснѣе для сего нещастнаго было, что хотя Сенатъ не произнесъ на него рѣшительнаго обвиненія, однако уваженіе и честь его по дѣйствію ядоносной адской клеветы не можетъ избѣжать постыднаго подозрѣнія. Се стрѣла непрестанно его терзающая и вонзенная вѣчно во глубину его се́рдца!

Зенотемисъ узнавъ о сей ужасной превратности, случившейся съ его другомъ, поспѣшаетъ, летитъ въ объятія не имѣя силъ ко изъясненію. Первыя Менекратовы слова̀ были: нѣтъ ты не можешъ тому повѣрить! меня̀, меня осудилъ Сенатъ. . . . Зенотемисъ! Другъ твой всегда тебя и самаго себя достоинъ,

Не возможно описать различныхъ Зенотемисовыхъ движеній, его печаль, его отчаяніе, и всю силу чувствія дружескаго. Онъ орошалъ слезами ру́ки Менекратовы, прилагалъ ихъ къ своимъ устамъ, и прижималъ къ своему сердцу. . . . Никакъ, любезный Менекратъ, ты не виненъ, ты былъ только слабъ и чувствителенъ;

ленЪ; не ты, но осудившіе тебя достойны и должны терзаться угрызеніемЪ совѣсти. Кто! ты, ты мздою свои руки?.... Возможноли о томЪ и помыслить? АхЪ самой вѣроломецЪ обвинившій тебя не почиталЪ то за истинну; ни кто сему не повѣритЪ. Коль мнѣ желательно, чтобЪ твоя невинность могла столькоже блистать и поражать взоры протчихЪ, какЪ она мои поражаетЪ, и сколько ее чувствуетЪ мое сердце! будь мужественЪ; скоро или поздо небеса отмстятЪ за гонимую добродѣтель; твоя непорочность явится вЪ полномЪ сіяніи.... — ЗенотемисЪ, ужѐ рѣшенЪ мой жребій, я знаю средство могущее избавить меня отЪ всѣхЪ бѣдствій, двѣ вещи препядствовали мнѣ прекратить жизнь свою; пріятность тебя еще видѣть, обнимать и вЪ объятія твои изливать слезы несчастнѣйшаго человѣка; и надежда представитЪ вЪ скорости кЪ олтарю дщерь мою; ты знаешЪ, что ЭвдимакЪ сЪ согласія Мисія отца своего искалЪ руки Цилиппиной; день брака былЪ назначенЪ, какЪ вдругЪ всѣ несчастія на главу мою устремились..., ДумаешЪ ли ты, что Мисій.... НѣтЪ, онЪ устоитЪ вЪ своемЪ словѣ, мое злоключеніе не охладило его: онЪ увѣренЪ, достоинЪ ли я порицанія за мою слабость; сказать истинну, я великое учинилЪ преступленіе, но какой бы смертной будучи на моемЪ мѣстѣ немогЪ смягчиться? ОнЪ увѣренЪ, говорю я, что честь моя ни чего отЪ блеску своего не утратила. И такЪ я поспѣшаю совершить сей бракЪ-сей союзЪ ужѐ вЪ готовности; а мнѣ дозволено располагать своею жизнію: я пользуюсь вольностію

стію, которую намъ мудрое учрежденіе дозволяетъ; я предстану предъ сенатъ, вооружившійся противъ меня не умолимымъ правосудіемъ; можетъ ли онъ вопросить меня о причинахъ принуждающихъ меня прекратить жизни моей теченіе? другъ мой, ты рожденъ для моихъ услугъ: я изъ твоихъ рукъ, такъ, я изъ твоихъ смѣлыхъ и безтрепетныхъ рукъ приму сосудъ смертоносный.... — (c) Что вѣщаешъ ты Менекратъ? ужели ты столь мало ревностенъ къ истинному твоему бытію, къ памяти, которая по тебѣ останется, что хочешъ жертвовать свирѣпости своихъ гонителей дѣйствіемъ столь не смысленнымъ сколь и не достойнымъ великодушнаго и мудраго человѣка? ты покушаешся на жизнь свою! оставь сіе убѣжище беззаконію; а есть ли..... то знай, что тогда истинно почтутъ тебя виновнымъ, тогда ужѐ клевета и злость восторжествуютъ надъ тобою. Дерзай продолжать жизнь, до твоя невинность возсіяетъ, дерзай сносить великодушно твое нещастіе: сіе несравненно лутче, нежели прибѣгать къ смерти; естьли весь міръ противу тебя вооружится, естьли я самъ буду столь подлъ, что тебя оставлю, не имѣешъ ли ты мужественнаго сердца и справед ивости,

 ко-

(c) Марсельскіе Граждане, когда думали имѣть довольныя причины къ самоубійству, были обязаны явиться въ Сенатъ, которой расмотрѣвъ сіи причины дозволялъ имъ самовольную смерть. Они по примѣру Грековъ обыкновенно ядъ принимали.

которые сильны тебя подкрѣпить? ихъ власти и совѣта для тебя довольно. Какъ! мое дружество не имѣетъ ни какой важности и цѣны предъ твоимъ взоромъ! тебѣ извѣстно, коль сильнымъ и чистымъ пламенемъ воспаленъ я къ добродѣтели: Менекратъ, я могу предъ тобою похвалиться, сколько ты мнѣ любезенъ и драгоцѣненъ; такъ, ты имѣешъ истиннаго друга, естьли бы ты хоть мало могъ себя признать виновнымъ въ преступленіи.... Но что! самая мысль о томъ не понятною мнѣ кажется; то знай, что я первой ободрилъ бы тебя въ мужественномъ твоемъ предпріятіи, можетъ быть я имѣлъ бы столько бодрости, чтобъ вонзить кинжалъ во грудь твою, и.... я послѣдовалъ бы за тобою во мрачность гроба. Но ты не виненъ, надобно жить, чтобъ Марселія зрѣла на тебѣ примѣръ своего варварства. Безпредѣльное правосудіе есть насиліе природы. Ты будешъ жить, чтобъ свое отечество покрыть стыдомъ и смущеніемъ. Добродѣтельной, но гонимый человѣкъ есть не загладимое и порицанія достойное пятно для своихъ согражданъ и для цѣлаго міра..... я стремлюсь въ Сенатъ, онъ премѣнитъ свое опредѣленіе толико для тебя пагубное.

Зенотемисъ летитъ соедииить сенаторовъ, онъ хочетъ возвысить гласъ свой въ защищеніе своего друга; ему отвѣтствуютъ, что справедливость запрещаетъ возвращаться на судъ, и что Менекратъ осужденъ законами: въ устахъ вашихъ едины только законы, сказалъ Зенотемисъ, ахъ, вѣщайте лутче о человѣчествѣ; испы-

испытайте, разсмотрите погрѣшность вашего сочлена, она ни что иное; какъ чувствительное сожалѣніе, которое, есть ли мрачитъ его непорочность, по крайней мѣрѣ дѣлаетъ оно честь его сердцу, онъ въ семъ полагается на ваше милосердіе.

Всѣ убѣжденія, прозьбы и усилія Зенотемисовы были тщетны, онъ принужденъ уступить множеству, которое представляло, что судъ произведенъ по законамъ.

Ахъ! вопіетъ Зенотемису другъ его еще издали, какъ только могъ его увидѣть, пламень зависти ужѐ ли погашенъ?.... — Нѣтъ онъ сильнѣе прежняго возгорѣлся, ты осужденъ не возвратимо, но мое дружество растетъ и усугубляется съ твоимъ нещастіемъ, гряди, удостой меня своего сопутствія.

Менекратъ шествуетъ во слѣдъ Зенотомиса, которой привелъ его во свой домъ; старикъ не можетъ удержать воздыханій, взирая на домъ сей и на сокровище въ немъ заключенное; сей видъ приводитъ ему на мысли прежнее свое состояніе. Онъ хочетъ удалиться. Нѣтъ, мы не разлучимся, вѣщаетъ ему юный сенаторъ, держа его съ восторгомъ и прижимая къ своей груди! Ты видишъ здѣсь свое убѣжище и свое имѣніе, покрайней мѣрѣ, мы раздѣлимъ то и другое. Что ты мнѣ предлагаешъ, прервалъ рѣчь его Менекратъ? я знаю всю цѣну сего дара, но твое намѣреніе не усугубитъ ли моего злополучія? — Какъ! что я слышу? — другъ мой, благодѣянія, какаябы ихъ рука не расточала, всегда влекутъ за собою подлое униженіе.

 Наше

Наше бытіе много теряетъ достоинства, естьли мы онымъ обязаны помощи другаго. —— Но дружество. —— Оно уже не такъ искренно и чисто, съ самой той минуты, какъ благодарность начнетъ соединять свою дань съ свободными чувствіями: я хочу тебя любить, но безъ всякихъ выгодъ. —— Какъ! но убожество. —— развѣ ты думаешъ, что я не привыкъ его претерпѣвать? всѣ люди раждаются бѣдными; богатство есть вещъ посторонняя. Нещастіе неможно почесть зломъ истиннымъ; сохрани мнѣ ту честь, которую хотятъ у меня похитить, сомкни уста клеветниковъ. Се зло, которому противиться самая твердая крѣпость много требуетъ силы: Уже недолго: На что мнѣ сокровище и домъ? младый юноша! мнѣ едина смерть нужна; мнѣ гробъ только потребенъ; и онъ будетъ тотъ единственный даръ, которой мнѣ непостыдно принять отъ твоего великодушія и благороднаго дружества; такъ, я его отъ тебя приму; всякой другой менябы симъ даромъ оскорбилъ. Я иду къ Мисію, и ты тщетно уничтожаешъ мое намѣреніе... Я спѣшу только совершить бракъ моей дщери, потомъ исполню, что мнѣ велитъ сердце мое и моя судба.

Зенотемисъ угнѣтенный бременемъ печали шествуетъ къ Эрмогену, котораго племянницу онъ долженъ былъ взять за себя, ихъ бракъ нѣкоторымъ образомъ назначенъ былъ съ самой минуты ихъ рожденія; два дома взаимно согласились на сей союзъ, которой долженъ былъ соединить крѣпче ихъ искренность и дружество. Юная особа достойна была всего вниманія Зенотемисова,

шемисова, онъ чувствовалъ силу ея прелестей, и по истиннѣ, это была сама добродѣтель во образѣ красоты. Зенотемисъ, сколько ни силенъ былъ его пламень, можетъ быть, любилъ еще меньше, нежели сколь онъ самъ былъ любимъ ею, Агатея, сіе было имя племянницы Эрмогеновой, поминутно прилѣплялась больше къ своему любовнику, рѣдкія Зенотемисовы дарованія, чувствительная и высокая душа его укрѣпляли любовь въ сей дѣвицѣ; самая честь ея полусимъ гордится; Агатея не усумнѣлась открыть страсть свою: благородное и непорочное стремленіе не знаетъ сего притворства, которое изобрѣлъ порокъ и украсилъ ложнымъ названіемъ благопристойности. Агатея зрѣла со удовольствіемъ приближающійся день своего брака, она не только не оскорблялась слезами, которыми Зенотемисъ оплакивалъ участь Менекратову; но сама съ нимъ еще рыдала. Зенотемисъ, вѣщала она, какія лестныя отъ нѣжности твоей увѣренія пріемлю я нынѣ! ты довольно меня почитаешъ, доказывая мнѣ все то, что соединяетъ тебя съ нещастнымъ, но знаменитымъ человѣкомъ, не страшись; любовь не будеи ревновать дружеству. Пусть текутъ сіи слезы, которыя тебѣ столько дѣлаютъ чести предъ моимъ взоромъ, ты меньже бы мнѣ нравился, естьли бы ты нынѣ объ одной только думалъ Агатеѣ, соединимся, дабы намъ вмѣстѣ заниматься печальнымъ состояніемъ такого человѣка, которой достоинъ твоего дружества. Потщимся усладить его печалей гореть, о какъ они свирѣпы! Зенотемисъ, какое то сердце, которое непрі-

пріемлетъ участія въ бѣдствіи другаго? безъ сомнѣнія первое утѣшеніе и пріятность состоитъ въ томъ, чтобъ вспомоществовать не щастнымъ.

Такія души движенія и притомъ въ лѣтахъ толь нѣжныхъ и толь мало способныхъ къ чувствованію оныхъ, покажутся можетъ быть чрезвычайными и не возможными. Но пусть смертные пренесутъ мысль свою отъ среды развращеннаго вѣка, въ которомъ добродѣтель толико унижена и презрѣнна, и воспитаніе пренебрежено; пусть востекутъ своимъ умомъ къ благополучнымъ временамъ общества, служившаго примѣромъ для окрестныхъ народовъ; тогда легко повѣрятъ, что Агатея обогащенная наставленіями и предводима будучи примѣрами имѣла сію справедливость духа, сіе величество души, сіи щастливыя дарованія, которыя любовь еще въ ней усугубила и совершила.

Племянница Ѳрмогенова имѣла соперницу, которую она не подозрѣвала, и которая сама старалась отъ ней скрывать впечатлѣнія съ теченіемъ времени больше въ ея сердцѣ углубляемыя; это была Цидиппа не щастная дщерь Менекратова, которая питала въ груди своей страсть тѣмъ сильнѣйшую, что она принуждена была таить ее и усыплять: Зенотемисъ былъ цѣлію не преодолимой ея склонности; тайное томленіе пожирало юность сея нещастной. По крайней мѣрѣ, говорила она, когда была отъ вѣкъ уединенна, естьли бы мнѣ позволено было отрещись отъ брака, наслаждаться свободою и жить только для единыя любви, которая, увы! свер-

свергнетъ меня во гробъ; я внушала бы еще нѣкоторую сладость, проливая слезы; я бы сама себѣ говорила, это Зенотемисъ, которой ихъ извлекаетъ изъ очей моихъ. Но быть подвластною супругу, тиранну, нарушать свой долгъ, любя такъ, какъ я люблю, добродѣтель, горѣть желаніемъ тщетнымъ и порочнымъ, трепетать въ изъясненіи чувствія, которое составляетъ всю сладость моей жизни .... Ахъ Цидиппа, нещастная Цидиппа стремись предускорить смерть тихими стопами къ тебѣ шествующую... Но мой родитель, кто его утѣшитъ подъ бременемъ нещастія? онъ не имѣетъ кромѣ меня... и Зенотемиса, пагубное дружество, сколь ты мнѣ дорого стоишъ! всякой день въ очахъ моихъ виновникъ сего смущенія, которое съ толикою трудностію скрывать я обязана; всякой день .... Ахъ я чрезъ то виновнѣе дѣлаюсь... уступимъ необходимости: пойдемъ къ олтарю, пусть единъ родитель царствуетъ въ мысли моей, онъ достоинъ сея жертвы, онъ меня любитъ, онъ нещастенъ; для него только жить буду .... Зенотемисъ не плѣненъ ли прелестьми Агатеи? они хотятъ сочетаться, такъ хотятъ они сочетаться! пусть сей видъ всегда пребудетъ въ очахъ моихъ. Меня не любитъ, любитъ онъ другую .... я посягну за Ѳвдимака. Я восторжествую надъ моею слабостію, забуду, что онъ мнѣ непріятель, моя добродѣтель будетъ моею побѣдою.

Зенотемисъ еще увидѣлся съ Менекратомъ: —— Ахъ другъ мой, Мисій подобенъ протчимъ людямъ! и такъ кромѣ тебя нѣтъ уже никого,

чтобы имѣлъ бодрость любить не щастнаго! изъяснись мнѣ прервалъ рѣчь его юный Сенаторъ.

Менекратъ объявляетъ ему, что Мисій принялъ его съ холодностію, и рѣчь о предпріятомъ бракѣ обратилъ къ другой вещи, и что наконецъ извинялся нѣкоторою нуждою чтобъ избѣжать свиданія и разговора толь тягостнаго его вѣроломству. Такъ, Зенотемисъ, продолжалъ Менекратъ, нещастіе меня научило довольно: Мисій уже больше мнѣ не другъ, дщерь моя не посягнетъ за Эвдимака. Я не узрю сего союза, сея надежды и единственнаго для меня утѣшенія, которое бы ободрило меня еще жить на свѣтѣ; я умру, и что останется для моей дщери? мое нещастіе, воспиминаніе того, что она была, и страшная картина ея будущей судбы; мое имя и плодъ мой съ Цидиппою уничтожится. Другъ мой, человѣкъ требуетъ наслѣдниковъ, онъ не привыкъ къ тягостному воображенію, что не будетъ жить въ своемъ потомствѣ, которое самую смерть кажется, обманываетъ, и продолжаетъ вѣчно бытіе наше; но Менекратъ совсѣмъ разрушится! И кто нынѣ захочетъ быть супругомъ моей дщери? все меня оболщаетъ, все отъ меня бѣжитъ - . . . можетъ статься и ты подражать будешъ Мисію . . ,. ахъ извини любезный Зенотемисъ! извини. Се крайность, въ которую повергаетъ нещастіе! можно оскорбить самаго искренняго друга.

Менекратъ произнося сіи слова палъ въ объятія младаго юноши орошаясь слезами. Родитель мой, говоритъ ему Зенотемисъ, какъ бы

отъ

отъ глубокаго сна воспрянувши, умѣрь твою печаль, которая мнѣ несносна, слезы твои смертнымъ ударомъ пронзаютъ грудь мою. По истиннѣ, злополучіе влагаетъ въ мысли наши недовѣрчивость, подозрѣніе, и несправедливость; Мисій статься можетъ, показался тебѣ другимъ человѣкомъ, нежели каковъ онъ въ самой вещи, ты мнѣ говорилъ. что онъ тебя любитъ; сердце въ толь краткое время можетъ ли перемѣниться? я тебя оставляю съ тѣмъ, чтобъ немедленно съ тобою видѣться; Менекратъ! лишаться надежды, есть верхъ нещастія.

Зенотемисъ желая въ скорости исполнить свое намѣреніе стремится къ Мисію; едва онъ его увидѣлъ: — Мисій я хочу говорить съ тобою на единѣ, прикажи домашнимъ твоимъ удалиться. Они остаются одни; Зенотемисъ первый началъ рѣчь свою: — Ужѐ давно твоя честь и уваженіе мнѣ извѣстны; Сіе самое побудило меня, съ тобою видѣться и говорить искренно, я хотѣлъ бы заслужить, чтобъ весь свѣтъ, какъ Марселіа, былъ извѣстенъ о дружествѣ соединяющемъ меня съ Менекратомъ, естьли бы и склонность меня къ нему не влекла, я потщался бы изъ одной гордости объявить себя другомъ такого человѣка, противъ котораго, все кажется востало: что можетъ больше возвысить душу, и что для ней пріятнѣе, какъ защищать сторону нещастнаго и являться противоборцемъ самыхъ Боговъ? изъ сего единиственно источника природа человѣческая почерпаетъ истинное величество, симъ образомъ и Катонъ вознесся превыше Кесаря, и когда нещастіе

стіе устремляется на главу не винности, когда страждетъ добродѣтедь, можемъ ли мы не наруша законовъ, отказать ей въ нашемъ сострадапіи и въ нашей помощи? —— Ты говоришъ о Менекратѣ? —— такъ о немъ. —— и ты представляешъ его не виннымъ, его, котораго Сенатъ . . . . —— въ чемъ его погрѣшность? его преступленіе неможно назвать иначе, какъ только излишествомъ, есть ли я смѣю сказать, сожалѣнія, сего сладчайшаго душевнаго чувствія, и которое больше показываетъ небесное наше пололѣніе . . . —— но Менекратъ нарушилъ правосудіе. —— Онъ уступилъ человѣчеству, оно превыше всѣхъ законовъ и установленій: человѣчество намъ вліяно свыше, но законы плодъ смертныхъ; и сколь многіе черты нашей слабости и нашего свирѣпства въ нихъ напечатлѣны! ахъ Мисій будемъ внимать лутче гласу нашего сердца, онъ первый судія; онъ долженъ произнесть судъ на Менекрата. Пусть Сенатъ подвергаетъ его строгости законоположенія учрежденнаго нашими предшественниками и освященнаго долговременнымъ употребленіемъ и благоговѣніемъ которое мы къ древимъ имѣемъ обычаямъ: въ семъ случаѣ наши судіи можетъ быть исполняютъ свою должность, и они справедливы. Но здѣсь при самомъ свѣтѣ истинны мы обязаны быть людьми, отложить достоинство, власть и силу сенаторскую, и для снисхожденія къ Менекрату принять душу послѣднѣйшаге изъ смертныхъ, еще тебѣ скажу, чѣмъ можемъ мы его порицать? стремительнымъ ли чувствіемъ сострадания надъ умирающимъ старикомъ

рикомъ поверженнымъ къ его стопамъ и просящимъ милости своему сыну? сей сынъ обезчещенный, оскорбленный предался движеніямъ не преодолимой природы, которая влекла его, и которую наказуетъ непреклонность нашихъ законовъ: это больше нещастіемъ, нежели преступленіемъ почесть должно; и Менекратъ уступилъ сожалѣнію. Се источникъ всѣхъ злоключеній поразившихъ самаго знаменитаго нашего согражданина! или ты послѣдуешъ множеству голосовъ? . . . или забылъ ты, что онъ тебѣ, а Ты ему былъ другъ? сынъ твой! . . : . — Онъ не будетъ супругомъ дщери Менекратовой: онъ долженъ былъ ожидать къ тому случая. — о Небеса какъ можешъ ты? — и ты бы хотѣлъ. — да, чтобъ сей минуты Эвдимакъ шелъ ко олтарю съ Цидиппою; — но Зенотемисъ, ты думаешъ ли о томъ? пусть Менекратъ не былъ виновенъ, но довольно, когда Сенатъ его осудилъ, и когда всеобщая молва его обвинила; и мнѣ честь . . . . — она состоитъ въ томъ, чтобъ показывать себя явно другомъ и защитникомъ гонимаго, и платить достойную дань справедливости: она есть истинна превыщшая всѣхъ мнѣній человѣческихъ, ты не можешъ ее затмить и уничтожить, хотя бы весь свѣтъ восталъ и возвысилъ гласъ свой, дабы она умолчала. Ты дерзаешъ честію извиняться! но скажи мнѣ, я того требую отъ тебя предъ взоромъ небесъ, которые насъ слышатъ и читаютъ тайная сердецъ нашихъ; человѣка, который отъ всего свѣта признанъ преступникомъ, но естьли онъ въ самой вещи не таковъ, можешъ

можешъ

жешъ ли ты почесть истинно и точно безчестнымъ? ахъ, естьли бы кто позналь его столько, чтобъ отдать ему всю достойную его справедливость, тотъ безъ сомнѣнія имѣлъ бы истинное понятіе о своей чести и о своей должности: я сіе испыталъ въ нещастіи Менекратовомъ, я точно увѣренъ о его невинности; я обязанъ ему моею честію, помощію и дружествомъ; и все мнѣ повелѣваетъ сими чувствіями дышать до послѣдняго моего дыханія. Мисій, кто не собственнымъ предводимъ бываешъ мнѣніемъ, тотъ не достоинъ человѣкомъ называться. И разумъ, сей небесный даръ къ чему будетъ намъ служить, естьли мы свои мысли и разсужденія будемъ сообразовать съ мыслями другаго? истинны и премудрости основанія непремѣнны. Поелику несправедливость и клевета утѣснили Менекрата, и ты пременяешъ свое обѣщаніе! я тебѣ повторяю, поспѣшай его исполнить, пусть сынъ твой спѣшитъ дать руку Цидиппѣ, и пусть они шествуютъ ко олтарю. . . —— Зенотемисъ, такъ ты еще не знаешъ? . . , —— нещастная слабость человѣческая! смертоносный ядъ заражающій всякую добродѣтель! ты сомнѣваешся узами крови соединиться съ человѣкомъ, котораго ты столь много любилъ, и къ которому тайное имѣлъ почтеніе! . . . . безъ сомнѣнія ты множеству послѣдуешъ . . . ! гдѣ твой сынъ? —— Зенотемисъ, ты не хочешъ меня выслушать. Не довольно, что Менекратъ явился виновнымъ, и честь его помрачилась, но равно честь его дщери. . . . —— что ты говоришъ? дщерь Менекратова, Цидиппа? . . . —— ее подоз-

дозрѣваютъ, носится тайная молва . . . : ея цѣломудріе . . . —— стой Мисій, не дерзай, вѣдай что ты говоришъ другу Менекратову, человѣку любящему добродѣтель . . . . блюдись Цидиппину злословить непорочность . . . Мисій! несмысленныя и новыя сіи выдумки отъ тебя немогутъ утаиться, нѣтъ, они тебѣ извѣстны, и ты имъ не вѣришъ . . . будь столько мужественъ, чтобъ тебѣ не лицемѣрить: благороднымъ поступкомъ почитается изьясняться безъ притворства; скажи лутче правду, что ты страшишся лишиться милости сенатской; что Менекратъ нещастенъ, что сей союзъ не льститъ уже твоему тщеславію, и что онъ убогъ: но простирать свои ненавистные поступки даже и на его дщерь, изобрѣтать разныя подозрѣнія, ихъ разглашать . . . . се верьхъ базчеловѣчія! и . . . . сіи только дѣйствія для человѣка посстыдны!

Гнѣвъ блисталъ въ очахъ Зенотемисовыхъ. онъ оставляетъ съ негодованіемъ Мисія, и стремится сыскать Менекрита, и уже его обьемлетъ съ восторгомъ: —— Мой почтенный другъ, забудемъ свѣтъ и людей, потщимся сами собою и для себя быть довольными. Пусть Зенотемисъ на мѣсто всѣхъ тебѣ останется.

Источникъ слезъ послѣдовалъ за сими словами едва произносимыми. —— Зенотемисъ, какую еще новую напасть хочешъ ты мнѣ возвѣстить? Тщетно ты ее отъ меня скрываешъ; я читаю въ очахъ твоихъ смущеніе, которое противъ воли твоей. . . . Ахъ не страшись терзать моего сердца: оно уже не можетъ быть

 уяз-

уязвляемо, всѣ удары уже были на него устремлены. —— Нѣтъ оно еще не восчувствовало всѣхъ ударовъ. Ты довольную имѣлъ причину думать, что Мисій не послѣдуетъ стремленію множества . . . онъ уже тебѣ не другъ . . . . уже должно отказаться отъ узъ брачныхъ.

Зенотемисъ изъясняетъ Менекрату подробно разговоръ свой съ Мисіемъ. Старикъ ничего другаго не можетъ говорить, какъ только: уже дочь моя не будетъ сопряжена съ Эвдимакомъ! она не будетъ себѣ имѣть супруга! сей напасти не доставало только для моей свирѣпой участи!

При сихъ словахъ потупляетъ онъ главу свою, и погружается въ глубокую печаль. Зенотемисъ имѣлъ мудрую предосторожность сокрыть тайну касающуюся до Цидиппы, онъ не сомнѣвался, чтобъ и Мисій не имѣлъ равной скромности, и чтобъ сіи подозрѣнія столь несправедливыя сколь и обидныя не остались въ вѣчномъ забвеніи.

Зенотемисъ почелъ за нужное, какъ можно осторожнѣе увѣдомить Цидиппу о разрывѣ ея брака; онъ ни какъ не могъ предвидѣть, что сія новость тайною сердце ея восхититъ радостію. Дщерь Менекратова будучи одна предавалась всѣмъ чувствіямъ удовольствія: —— И такъ я могу объ одной только помышлять любви! я не буду ни невѣрною, ни клятвопреступницею, Зенотемисъ будетъ мое божество, къ которому я устремлю всѣ мои желаиія; мое сердце можетъ свободно повторять себѣ, что оно не любитъ, кромѣ Зенотемиса; сію толь сладостную

и

и не преодолимую склонность угрызенiе совѣсти не упоитъ своимъ ядомъ! грудь пылающая любовiю къ человѣку достойному обоженiя всего свѣта можетъ ли быть порочна и преступна? онъ утѣшитель, такъ онъ одинъ утѣшитель моего родителя, онъ тщится облегчить нещастiй нашихъ бремя; Зенотемисъ воспламененъ къ намъ искрою чистѣйшаго друтества . . . . ахъ но дружество не есть любовь, Зенотемисъ не любитъ меня . . . но что въ томъ, я буду его, такъ, я буду его любить вѣчно; я буду дышать симъ единымъ чувствiемъ, онъ будетъ составлять единъ мои утѣхи, доволенъ онъ единъ для щастья моего. Нѣжная и чистая любовь не служитъ ли сама себѣ наградою? въ семъ-то случаѣ престаетъ она быть слабостiю и дѣлается добродѣтелiю. Симъ образомъ дщерь Менекратова въ нещастiи, которое умножало печаль и скорбь ея родителя; находила себѣ утѣшенiе и удовольствiе. Зенотемисъ раздѣлялъ минуты свои для Агатеи и Менекрата. Коль страшное зрѣлище въ одинъ день его поразило! онъ прибѣгъ къ своему другу ,зритъ его простерта на землѣ, орошенна слезами и призывающа смерть къ себѣ на помощъ: —— Еще какiе молнiеносные удары тебя поразили? вѣщай мой другъ, мой родитель . . . согбенный старостью главу свою подьемлетъ и вопiетъ со стономъ: Зенотемисъ, я не зналъ еще всего моего нещастiя . . . —— изьяснись. —— Ахъ для чего я усумнѣлся свергнуть съ себя тяжкое жизни бремя? о единый мой благодѣтель! приступи, пронзи мое сердце немогущее противиться множеству утѣсняющихъ

 его

его печалей. Душа моя нетерпѣливо желаетъ оставить сей свѣтъ, сїе жилище пороковъ, приди, прими ее въ нѣдро, которое одно всегда отверсто для слезъ моихъ. —— Менекрятъ; я тебя заклинаю именемъ моего дружества. о которомъ ты не сомнѣваешся; изьяснись мнѣ: . . . для чего сїе смущенїе? —— другъ мой, истинно и безъ всякаго сомнѣнїя ужѐ я поруганъ. —— какъ! —— дщерь моя . . . . молва разсѣялась.. Ахъ дщерь моя ужѐ не достойна меня. . . . Эвдимакъ . . . ея честь . . . . Ахъ она ея лишилась . . . . Зенотемисъ! поспѣши разрушить мое бытїе.

Младый Марселецъ легко узналъ источникъ сея толь огорчительныя новости. Подозрѣнїя, о которыхъ Мисїй съ хитростїю отъ части далъ знать, и которыя должны остаться въ тайнѣ и забвенїи, вездѣ разгласились и дошли до ушей нещастнаго отца. Зенотемисъ ему признае́тся, что Мисїй, сей вѣроломный другъ, разговаривая съ нимъ, не могъ сокрыть нѣкоторыхъ изьясненїй оскорбительныхъ для Цидиппы, и что онъ за долгъ почелъ самъ о нихъ умолчать и предать ихъ забвенїю. Я знаю дщерь твою, продолжаетъ Зенотемисъ, твердымъ голосомъ, я знаю и тебя; она не можетъ измѣнить и обезславить кровь, отъ которой она произходитъ: воспитанїе тобою ей данное, и примѣры твоей жизни для нее святы. Въ протчемъ я льстилъ себя надеждою, что Мисїй уничтожитъ и загладитъ подозрѣнїя постыдныя для собственной его чести, и которыя, по видимому имѣютъ свое начало отъ его вѣроломства. Какъ! Эвдимакъ

макЪ . . . . его отецЪ толь далеко простерЪ свое злодѣйство ! - - - - И что могутЪ ихЪ рѣчи? АхЪ ! отвѣтствуетЪ МенекратЪ, естли бы всѣ люди тебѣ были подобны! но се смертоносная стрѣла уготованная мнѣ неистовствомЪ моихЪ гонителей! я паду отЪ ея удара. Я хочу видѣть, я видѣть хочу Цидиппу, [вЪ сіе времи она шла кЪ своему родителю] войди дщерь моя . . . . достойна ли ты еще сего названія? Дерзай отдать справедливость истиннѣ, она едина добродѣтель, которая можетЪ остаться вЪ преступникахЪ [Цидиппа стоитЪ изумлена] ужѐ ли тебя любовь ввела вЪ заблужденіе? ЭвдимакЪ . . . —— Любезный родитель, я его никогда не любила, я чтила твое соизволеніе, но мое сердце . . . . ЭвдимакЪ могЪ только получить мою руку. Произнеся сіи словà, она не могла удержаться, чтобЪ не возвести очей своихЪ на Зенотемиса. —— Совѣсть твоя ни вЪ чемЪ тебя не обличаетЪ? безЪ всякаго притворства говори все вЪ присудствіи моего друга; да не утаится отЪ него верхЪ моихЪ напастей..., Молва разсѣялись . . . . Ты меня обезчестила. МенекратЪ расказываетЪ дщерн своей оскорбительныя подробиости, которыя злобѣ разсѣвать угодно. Цидиппа какЪ бы молніею пораженная упадаетЪ, но родительскимЪ и ЗенотемисовымЪ стараніемЪ; пришедЪ вЪ себя удерживаетЪ слезы сія мужественная дѣвица. Подумали бы, что она божествомЪ вдохновенна и подкрѣпляема. —— Роднтель мой, любезный мой родитель, удостой меня свего вниманія: твоя дщерь всегда тебя достойна! и ты, котораго почтеніе мнѣ драго-

 цѣн-

цѣннѣе, нежели ты самъ думаешъ, великодушный другъ нещастныхъ особъ! будь увѣренъ о моей невинности: я никогда не оскорбила добродѣтели; я бы не простительнымъ преступленіемъ почла одно только воображеніе противное правиламъ сея добродѣтели, которой законы по гробъ мой для меня будутъ священны. Небо вѣдаетъ чувствія души моей; сіе самое небо я призываю въ защиту противу клеветы. Сего послѣдняго удара для насъ еще недоставало! естьли бы я могла уступить минутѣ слабости, и естьли бы только въ мысли своей вообразила; скорая смерть послѣдовала бы за симъ постыднымъ заблужденіемъ. . . . Не Менекрату прилично сомнѣваться о своей дщери. Сіи слова произнесены были гласомъ души означающимъ истинну. Зенотемисъ прерываетъ рѣчь ея съ живостію: нѣтъ Цидиппина совѣсть не можетъ ни чѣмъ терзаться; я готовъ къ защищенію ея непорочности противу всѣхъ хотящихъ помрачить оную. Это, ты, вопіетъ Цидиппа, ты которой отдаешъ мнѣ справедливость! ахъ! Зенотемисъ! она продолжаетъ свою рѣчь съ нѣжностію обратясь къ нему, хотятъ похитить у меня твое ко мнѣ почтеніе! —— Я вѣрю твоимъ слезамъ и крови отъ которой ты рождена; такъ это клевета, которая не усыпая насъ утѣсняетъ. Дщерь моя се ты безъ надежды и защиты остаешся жертвою ядоносныхъ рѣчей народныхъ! о Небеса! о Боги! доколѣ гнѣвъ вашъ не насытится нещастіемъ нашимъ?

Менекратъ погрузился въ отчаяніе. Какъ! говоритъ Цидиппа сама себѣ, когда она удалилась,

лась, Зенотемисъ тому повѣрилъ . . . Нѣтъ, не возможно. Мое сердце мой взоръ, все его убѣдило о моей любви, къ моей должности. Къ должности моей! ахъ! не добродѣтель одна представляетъ мнѣ ее священною, не Эвдимакъ занимаетъ мое сердце и царствуетъ въ немъ какъ тиранъ! . . , едина только смерть сильна разрушить тягостные жизня моей оковы; должно ли жить еще испытавъ толь свирѣпыя злоключенія? естьли бы мое бытіе не было мнѣ нужно для жизни, которая мнѣ и свою жизнь позабывать повелѣваетъ . . . довольноли мы нещастны? родитель мой при вратахъ смерти, безъ помощи, всего лишенъ, окруженъ вѣроломцами и не благодарными . . . и его дщерь! она любя, и тайнымъ огнемъ пылая, принуждена потушать пламень своей склонности, всего лишенна, кромѣ своей чести, подозрѣваема и обвиняема въ преступленіи; и еще въ присудствіи кого? той особы, которая мнѣ по родителѣ моемъ всего дороже, и отъ которой я почтеніе къ себѣ заслужить бы желала. Се чувствіе позволенное мнѣ желать и ожидать отъ Зенотемиса! всякое другое желаніе мнѣ запрещено и не возможно; когда мое сердце . . . . нещастная Цидиппа! сіе повергнетъ тебя во гробъ; покрайней мѣрѣ да не вѣдаетъ того Зенотемисъ; не довольноли я имѣла всѣхъ напастей? да снидетъ со мною вомрачность гроба глупое мое заблужденіе; мнѣ ли уже прилично любить?

Менекратъ зритъ, что бездны глубина, въ которую онъ завистнымъ поверженъ рокомъ день отъ дня умножается. Сіи смиряющіе человѣка не-

недостатки, которые влечетЪ за собою убожество, уже на него стремились; но благородная гордость его, казалось, возрастала сЪ его нещастіемЪ; все искуство и услужливость дружества не могли сыскать средствЪ, чтобЪ утѣшить и вспомоществовать сему старику, не оскорбивЪ ту истинную любовь, которая одна только сильна утѣшить нещастныхЪ. Но плачевное Цидиппино состояніе было для него стрѣлою терзающей свирѣпѣе чувствительную душу его, нежели всѣ стрѣлы его собственнаго злоключенія. ОнЪ всегда прдставлялЪ предЪ очи Зенотемисовы сей жалостный видЪ, сію дщерь гонимую клеветою; безЪ супруга, и лиженную всей надежды когда нибудь его имѣть. Дщерь и родитель, говорилЪ онЪ, не могутЪ сыскать другаго убѣжища, кромѣ скорой и самовольной смерти.

Какая печальная картина для друга! коль живо изобразилась она вЪ ЗенотемисовыхЪ мысляхЪ: и равно на его сердцѣ! онЪ умиралЪ сЪ сими двумя нещастными; онЪ ходилЪ часто кЪ Агатеѣ, дабы свободное дать теченіе своимЪ слезамЪ, которые Менекратово и Цидиппино присудствіе удерживало: ибо нещастіе иногда оскорбляется знаками сострадания, которыя чувствительность ему показываетЪ.

ЗенотемисЪ предводимый яростію устремился кЪ Мисію, которой страшась порицаній собою заслуженныхЪ, скрылся отЪ его взора, ОнЪ требуетЪ Эвдимака, ему отвѣтствуютЪ, что сей юноша оставилЪ Марселію, и не знаютЪ при томЪ мѣста, куда онЪ удалился. ЗенотемисЪ мнитЪ, что истинна открылась, онЪ не сом-

сомнѣвается, чтобъ Эвдимакъ не былъ виновникомъ поносной для Цидиппы молвы, и что Мисій безъ сомнѣнія удалилъ его отъ худыхъ слѣдствій справедливаго мщенія и гнѣва.

Агатея принимала участіе въ отчаяніи Зенотемисовомъ, она часто внимала слова его: и такъ нещастный Менекратъ уже не можетъ ожидать утѣшенія на землѝ! брачные для Цидиппы свѣтильники уже никогда не вожгутся, вѣчный стыдъ напечатлѣнъ на днехъ ея жизни, и жизни нещастнаго старика, которой умираетъ во увѣреніи, что дщерь его всѣми оставлена, презрѣнна не укоснитъ за нимъ слѣдовать во мрачность гроба. По крайней мѣрѣ, естьли бы онъ имѣлъ зятя, отъ котораго бы не стыдясь могъ принимать благородныя услуги, которой бы ему вспомоществовалъ при послѣднемъ дыханіи жизни, сомкнулъ его слезами орошенные очи, и льстилъ его надеждою, что имя его и родъ въ потомствѣ продолжится... но Ахъ! Менекратъ подъ стопами своими единый пространный видитъ гробъ, которой его самаго, и его надѣянія поглощаетъ. Видъ лютѣйшій самой смерти! онъ весь ужасъ небытія и ничтожества представляетъ! и убожесмво присоединилось къ его толь тягостнымъ превратностямъ! онъ отрицается . . . . зто я, которой бы могъ ему вспомощесшвовать! ахъ! благодѣянія рукою дружества расточаемыя не унижаютъ человѣка; они только укрѣпляютъ священныя искренности узы. Менекратъ . . . - дщерь его . . . . его дщерь. . . . какая ужасная участь!

Ужѐ

Ужѐ много протекло времени, какъ сіи рѣчи внимала Агатея съ видомъ размышленія, которое показуетъ душу углубившуюся въ разныя мысли. Чувствъ ея смущеніе изображуется на ея лицѣ, слезы, которыя тщилась она удержать, ей измѣняютъ, и противъ воли ея стремятся источникомъ по ея ланитамъ; она повременно взирала на Зенотемиса и грудь ея печальными стѣснялась вздохами. Смятенный Зенотемисъ вопрошаетъ Агатею, убѣждаетъ ее открыть причину сего нечаяннаго смущенія: — Зенотемисъ еще не время изъясниться.... я предпріемлю намѣреніе.... и ты его.... такъ ты его узна́ешъ.

Нѣсколько дней протекло. Эрмогенъ самъ былъ пораженъ печальнымъ состояніемъ своей племянницы: онъ къ ней имѣлъ всю родительскую нѣжность. Братъ его, будучи на смертномъ одрѣ препоручилъ ему сію дѣвицу еще младенцемъ, и онъ ее пріялъ какъ собственную дщерь свою. Агатея извинялась слабостію здоровья. Заключась въ свои покои предавалась она свирѣпому своихъ мыслей волненію, которое сокрыть столь трудно ей было. Она двадцать разъ принималась, чтобъ начертать различныя мысли се отягощающія, и двадцать разъ изъ рукъ ея перо упадало, ея колѣни подъ нею трепетали и она часто упадала на стулъ свой проливая слезные источники; легко можно было примѣтить; что въ душѣ ея сильныя противоборствуютъ страсти. Наконецъ въ одинъ день рекла она Зенотемису: Ты будешь удовольствованъ; надобно, чтобъ ты привелъ въ сей домъ Менекрата, его дщерь и лутчихъ вашихъ прія-

телей; мой дядя убѣжденъ мною проситъ ихъ удостоить своимъ присутствіемъ торжество, которое онъ учреждаетъ въ честь боговъ домашнихъ. безъ сомнѣнія гости не откажутъ ему въ сей прозьбѣ. Произнося слова сіи взираетъ она на Зенотемиса со вниманіемъ, онъ ей обѣщается исполнить ея волю.

День назначенный приближился. Агатея увидѣвъ Цидиппу возчувствовала сильное движеніе, которое однако преодолѣла. Входятъ въ залу для торжества опредѣленную, все въ ней представляло преуготовленія къ великолѣпному пиршеству, собраніе уступаетъ чувствіямъ благопристойнаго веселія. Эрмогенъ, его племянница и Зенотемисъ были одни только погружены въ задумчивость, которой причину тщетно угадать старались. обѣдъ приближался къ концу. Зенотемисъ которой чрезъ все сіе время говорилъ на ухо Эрмогену и Агатеѣ, и показывалъ знаки не обычайнаго движенія, встаетъ поспѣшно изъ за стола, какъ лишенный ума, и весь внѣ себя онъ стремится въ ближный покой, хозяинъ дому и его племянница за нимъ не медленно послѣдуютъ. Гости остаются въ изумленіи, они другъ у друга спрашиваютъ причины сего не ожидаемаго отсутствія Менекратово и Цидиппино удивленіе было несравненно: Агатеа входитъ съ дядею своимъ и Зенотемисомъ; сей казался отчаяннымъ, юная дѣвица имѣла очи исполненны слезъ. она тщетно старается показать видъ веселой. Эрмогенъ повелѣваетъ принесть чашу для изліянія жертвъ употребляемую, рабы повинуются. Едва только подали

чашу,

чашу, Зенотемисъ не можетъ себѣ воспятить, чтобъ не показать движенія означающаго волненіе сердца его. Агатея говоритъ еще нѣчто ему тихо; любопытство напечатлѣлось на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. Племянница Эрмогенова даетъ знакъ Зенотемису, какъ бы понуждая его исполнить ея волю, она сама беретъ чашу, отдаетъ ее въ руки своему любовнику, которой востаетъ, подъемлетъ чашу къ небесамъ, и гласомъ прерываемымъ произносит сіи слова; которыя Агатея будучи близъ его кажется ему внушала: Я свидѣтельствуюсь симъ собраніемъ, я кленусь сею чашею и богами, которыхъ въ сіе мгновеніе призываю, да меня услышатъ; клянусь, что я избралъ себѣ супругою Цидиппу дщерь Менекратову. Мою дщерь? возопилъ старикъ. Зенотемисъ даетъ мнѣ руку и сердце? рекла Цидиппа. такъ, ты будешъ его супругою, отвѣтствуетъ Агатея, но я...

Она не окончавъ упадаетъ въ обморокъ. Всѣ летятъ ей на помощъ; сія Героиня исхищается почти отъ самыхъ челюстей смерти, чтобъ явиться созданіемъ превыщшимъ человѣческаго рода; и показующимъ все величество ея души. Никакъ, вѣщаетъ Менекратъ къ ней устремяся, никакъ великодушная дѣва, я не пріемлю Зенотемисовой клятвы, не стерплю. дабы онъ тебѣ солгалъ, ты единственно должна быть его супругою, онъ далъ тебѣ слово, онъ тебя любитъ, и самъ тебѣ любезенъ; моя дщерь, и я, ахъ, мы не родились для такой жертвы: шествуйте къ олтарю а мы ко гробу. Ты будешъ отцемъ Зенотемису, отвѣтствуетъ

Ага-

Агатея, вооружаясь мужествомЪ, я хочу присутствовать при сихЪ узахЪ . . . . я хочу того. То, что я предпріяла испытать, есть остатокЪ моей слабости, надЪ которымЪ я восторжествую. БезЪ сомнѣнія, все мое благополучіе я вЪ томЪ поставляла, чтобЪ зрѣть себя супругою Зенотемиса. я почитаю добродѣтель, и это тоже значитЪ, сколько бы я обожала супруга опредѣленнаго мнѣ небомЪ и моими сродственниками; такЪ я его любила, и дерзаю вЪ томЪ признаться вЪ присутствіи моего дяди и всего собранія; но какую сладость я ощущаю жертвуя собою сей самой добродѣтели, которая мнѣ столь пріятна и любезна! МенекратЪ я исполняю свой долгЪ и обязанность души чувствительной. ЗенотемисЪ тебѣ другЪ, клевета старается помрачить Цидиппиу честь; все ее утѣсняетЪ; оскорбленна и поруганна МисіемЪ и его сыномЪ, она себѣ не могла надѣяться узЪ брачныхЪ; никто, кромѣ Зенотемиса не могЪ ей дать своей руки, и онЪ сЪ моего согласія ее удостоиваетЪ оныя; я подтверждаю сей союзЪ я поспѣшаю минутами онаго . . . не взирай на мое смущеніе, мои слезы . . . они престанутЪ . ., Цидиппа моимЪ другомЪ будетЪ.

Цидиппа обьята удивленіемЪ, восхищенна благодарностію повергается кЪ стопамЪ Агатеи; и МенекратЪ не переставая говорилЪ: нѣтЪ, сей бракЪ не совершится, я и Цидиппа, мы умремЪ лутче, нежели . . . нѣтЪ великодушная Агатея, не допущу я, дабы ты жертвовала намЪ своимЪ благополучіемЪ, и своею нѣжностію толь чистою и толь священною. Моя племянница! вѣща-

вѣщаетъ Эрмогенъ, моего согласія просила на сіе дѣйствіе, которое должно прославить ее предъ взоромъ всего свѣта. благоволите небеса, дабы она не зделалась нещастною своего соизволенія жертвою! Она не будетъ ею, прерываетъ рѣчь его Менекратъ. Я знаю, что мнѣ долгъ повелѣваетъ; я его исполню. Дщерь моя послѣдуй за мною, Зенотемисъ, герой дружества думаешъ ли ты, что мои чувствія могутъ уступить твоимъ? гряди Зенотемисъ, я достоинъ быть тебѣ равнымъ.

Менекратъ влечетъ Цидиппу, Зенотемисъ хотѣлъ имъ сопутствовать; но Агатея, которыя плачевное и ужасное состояніе подъ завѣсою наружнаго великодушія удобно было видѣть, притомъ самъ Эрмогенъ почти умирающій отъ печали; сіи виды принудили юнаго Сенатора въ сію минуту помышлять о томъ, чѣмъ онъ долженъ добродѣтели чести и любви. Агатея никогда толь прелестною въ очахъ его не являлась; онъ послѣдовалъ за Эрмогеномъ и его племянницею въ ихъ покои, между тѣмъ гости росходятся, удивляясь толь многимъ и различнымъ нечаянностямъ.

Зенотемисъ ужѐ находился одинъ съ своею, любовницею: —— Великодушная Агатея, что ты совершила? —— Мой долгъ, дѣйствіе которое можетъ быть прекратитъ жизнь мою: ахъ! мнѣ не возможно не увянуть онъ сего самовольнаго удара! но Зенотемисъ, я вознесла себя превыше моего полу, превыше человѣческой природы. Говори мнѣ о моей побѣдѣ а не о моихъ слабостяхъ: ты еще ихъ увидишъ; я тебя люблю,

кую, Зенотемисъ, такъ я несравненную чувствую сладость въ томъ тебѣ признаваться, я тебя люблю и я предаю тебя въ объятія Цидиппины; я отмщаю нещастіе, истинну и добродѣтель; я и ты, мы взаимно показываемъ себѣ неслыханный примѣръ честности, великодушія и мужества, которое удивитъ, можетъ быть, потомковъ и которое самихъ насъ удивляетъ. Зенотемисъ, потщимся быть достойными себя. Пріятно гнать судбѣ повсюду Менекрата; онъ испыталъ самые жестокіе случаи бѣдственнаго жребія; его дщерь поругана, я ей возвращаю честь ея. Менекратъ не можетъ отвергнуть благодѣяній своего зятя; мой любовникъ . . . . онъ будетъ мнѣ другомъ, и сіе для меня всего драгоцѣннѣе и почтительнѣе будетъ. Среди мученій терзающихъ мое сердце, [ибо я не хочу тебѣ казаться добродѣтельнѣе, нежели какова я въ самомъ дѣлѣ] чистѣйшее удовольствіе сразмѣрною мнѣ служитъ наградою за самую величайшую жертву, съ которою и смерть не можетъ по истиннѣ сравниться. Зенотемисъ въ сію самую минуту, когда ты обратилъ къ себѣ все мое вниманіе, всю мою нѣжность и вздохи . . . Ахъ! отвлечемъ взоръ нашъ отъ сея картины, и устремимъ его къ единой только славѣ нашей, пусть движеніе нашего духа, слѣдуетъ благородной гордости . . . . —— Нѣтъ мы не будемъ ей жертвовать нашей любовью, сіе дѣйствіе, къ которому ты меня принуждаешъ, я не исполню, нѣтъ я его не исполню, Менекратъ мнѣ другъ, онъ несчастенъ, все его тѣснитъ, и я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ остался

 на

на его сторонѣ: но ахъ, и тебя не почитаю ли я божествомъ всѣхъ моихъ желаній? Не къ тебѣ ли устремляются всѣ мои чувствія и движенія, которыя возрастаютъ съ твоими прелестьми, съ твоею добродѣтелію? и моя пламенная любовь . . . . . она тебя должна прельщать меньше, нежели благополучіе и благодѣянія нами показанныя. Менекратъ и Цидиппа воскресли, несправедливость ихъ участи отмщена, они щистливы тобой . . . . . и мною . . . . Никто не будетъ владѣть моей рукою и моимъ сердцемъ, ты единъ владычествовать будешъ въ сей душѣ, въ которой образъ твой никогда не загладится, я всегда горѣть буду къ тебѣ нѣжностію, однако самою чистою, которая ни для кого изъ насъ не будетъ постыдна и порочна, и совѣсть моя не можетъ въ тайнѣ ею терзаться; безъ сомнѣнія буду тебя любить безъ всякой выгоды и безъ всякой надежды и для тебя самаго, подобно какъ любятъ боги; твоя добродѣтель будетъ моею, я восторжествую съ тобою и приму участіе въ твоей славѣ, и въ твоемъ благополучіи. Исполнять свой долгъ, и показывать природѣ человѣческой примѣръ высочейшей чувствительности, какую только вмѣстить она можетъ, не почитается ли добродѣтелію и самымъ сладчайшимъ удовольствіемъ? другъ мой . . . . Иного названія не изліется отъ устъ моихъ, нѣтъ я не произнесу имени сего, которое напечатлѣно въ моемъ сердцѣ и которое совсѣмъ должна я загладить; спѣши окончать твою побѣду и не возвращайся ко мнѣ, какъ только съ именемъ Цидиппина супруга; дерзай оставить мѣста сіи,

оставь

оставь меня Зенотемисъ: прости, да не увидишъ ты слезъ моихъ, не проливай и самъ оныхъ, я свои прекращу .... помни, что ты уже связанъ узами клятвы ... — Я ихъ разорву, я нарушу сію трудную клятву, которою ты меня обязала, когда мнѣ сердце мое измѣняетъ, не возможно .... всѣ боги .... — Другу ли Менекратову и человѣку достойному нѣжности моей прилично такъ говорить? въ послѣдній разъ еще тебѣ говорю, Зенотемисъ разлучимся, иначе мы будемъ подобны онымъ нискимъ и подлымъ душамъ, которымъ мы не должны подражать; я скроюсь отъ твоего взора до минуты .... такъ должно. Зенотемисъ будь супругомъ Цидиппы.

Агатея немедля выходитъ изъ своего покоя, стремится къ Эрмогену оставя Зенотемиса едва дышуща и въ невѣденіи на которую жертву себя опредѣлить.

Менекратъ едва уединился: — Дщерь моя ты видишъ сторону, на которую намъ должно уклониться: ничего другаго не осталось, какъ только оставить Марселію и предать себя слѣпому руководству нещастной нашей звѣзды: куда мы пойдемъ? гдѣ будетъ наше убѣжище? въ крайнемъ убожествѣ, лишенны всей помощи, мы не имѣли другой надежды кромѣ Зенотемиса, и мы должны отъ него бѣжать на всегда! прилично ли намъ жить цѣною жизни Агатеиной? ибо ты могла примѣтить, она столь Зенотемиса любитъ, что не можетъ его уступить тебѣ не прекративъ теченія своей жизни, и мы себя оскверним такимъ беззаконіемъ? .... Ты плачешъ

чешЪ! ты не отвѣтствуешЪ мнѣ! ты не изъясняешЪ рѣшенія, которое должно быть жребіемЪ нашимЪ; поспѣшимЪ, дерзнемЪ оставить отечество. Ты подашЪ мнѣ руку своей помощи. Антигона, не была ли она спутницею и помошницей Эдипу, когда онЪ старость свою исхищалЪ отЪ ярости своихЪ свирѣпыхЪ чадЪ, и когда онЪ спѣшилЪ искать опасенія вЪ Колонѣ? Цидиппа медлила пріуготовленіемЪ кЪ своему отЪѣзду. НаконецЪ все было готово. Она не имѣетЪ ужѐ силы кЪ отшествію, она упадаетЪ, обливаясь слезами. О Небо! возопилЪ старикЪ, для сего сіи слезы, сіе отчаяніе? Цидиппа, ты по видимому отрицаешся сопутствовать не щастному отцу, которой вЪ скоромЪ времени ужѐ не будетЪ тебѣ вЪ тягость! . . . . АхЪ! даже и дщерь отвергаетЪ меня, мнѣ измѣняетЪ. . . —— Тебѣ измѣнить! ахЪ! родитель мой, небо свидѣтель, что ты никогда мнѣ толь любезенЪ не былЪ . . . . Но оставить свое отечество . . . . Зенотемиса . . . И такЪ мы его никогда не увидимЪ . . . . Родитель мой . . . . ужѐ безполезно мнѣ скрывать отЪ тебя тайну, которая должна была во гробѣ со мною заключиться; знай, я люблю, я обожаю Зенотемиса сЪ того времени, какЪ только представился онЪ моимЪ очамЪ; я бы позягнула за Эвдимака, повинуясь твоей волѣ, моей должности и чтобЪ умягчить жестокость твоей участи, и я стремилась прилѣпить себя ко всему, что мнѣ понравилось, и что я должно почитать, любить . . . . И твоя добродѣтель . . . . Позволь мнѣ собрать свои силы, я собою пожертвую сей добродѣтели, которая то-

толико превышаетъ мою слабость; родитель мой, я буду твоею спутницею, я отрекусь отъ руки и присудствія . . . . Я ужè его не наименую . . . . Я скончаю жизнь . . . . Ахъ! я умру здѣсь . . . . Душа моя готова излетѣть!

Она еще не окончала сихъ рѣчей, какъ Зенотемисъ входитъ съ поспѣшностію, онъ видитъ Цидиппу простерту на землѝ, погруженну въ отчаяніе, и Менекрата смущенна ея состояніемъ; онъ зритъ все пріуготовленіе къ ихъ побѣгу: —— Ты меня оставляешъ Менекратъ! такъ! возопила Цидиппа, мой отецъ, и я, мы отторгаемся отъ обьятій своего отечества, мы скрываемся отъ очей единаго друга, которой намъ остался. Зенотемисъ поспѣшаетъ воставить Цидиппу: —— Гряди, послѣдуй моимъ стопамъ, и ты родитель мой, ибо Менекратъ никогда ужè другаго названія не услышитъ, сопутствуй мнѣ къ олтарю, гдѣ я хочу совершить сей союзъ, котораго узы еще больше соединятъ меня съ человѣкомъ достойнѣйшимъ почтенія изъ всѣхъ смертныхъ. Старикъ повергается къ стопамъ Зенотемиса, онъ хочетъ противиться сему браку, которой, мыслитъ онъ, будетъ нещастіемъ для Агатеи и его друга: —— Нѣтъ, я не допущу, чтобъ сей бракъ совершилъ верхъ моихъ нещастій . . . , Позволь намъ бѣжать, позволь намъ умереть . . . . Или ты хочешъ, чтобъ я тебѣ и племянницѣ Эрмогеновой былъ убійцею?

Сіи слова, произвели нѣкоторое сомнѣніе въ душѣ Зенотемисовой. Онъ взиралъ на Менекрата проливая слезы. Письмецо въ ту самую ми-

нуту полученное имъ отъ Агатеи рѣшило вдругъ его сомнѣніе; онъ стремится во храмъ, и противъ усилій своего друга, даетъ руку свою Цидиппѣ, которая повидимому не хотѣла ему дать своей руки. Но сколь ея сопротивленія были слабы! наконецъ сей союзъ совершился, олтарь пріялъ ихъ клятвы, и Зенотемисъ ужѐ супругъ Цидиппѣ.

Когда дщерь Менекратова чрезъ не ожидаемую превратность, зрѣла премѣну своего жребія; Агатея напротивъ того чувствовала тогда весь ужасъ своей участи. — Итакъ все исполнилось! должно изгнать любовь изъ сердца.... Которую сама добродѣтель въ немъ освятила... Чѣмъ больше надежды! тѣмъ больше любви! жить, чтобъ непрестанно умирать! Зенотемисъ ужѐ вѣчно моимъ не будетъ! и я вѣчно не его!... Онъ принадлежитъ другой! въ сію минуту, сей союзъ.... Онъ совершенъ ужѐ! все что ни любила, не узрю, какъ только съ именемъ Цидиппина супруга!... Нѣтъ, сей бракъ не исполнится, еще есть время: потечемъ ко храму... Какъ! чтобъ въ немъ показать мою слабость, мой стыдъ! не я ли послала Зенотемиса къ олтарю, не я ли убѣждала его заключить сіе обязательство, которое меня сражаетъ? Не моей ли руки строки? Не сама ли я рѣшительнымъ повелѣніемъ навлекла на себя сіи несчастія?... Но чего мнѣ стыдится? Какъ! прилично ли, толь скоро сожалѣть, что самовольно показала я на себѣ примѣръ великодушія не многимъ сердцамъ совмѣстнаго! превышать слабыя души не имѣющія бодрости и силы къ побѣж-

бѣжденію своихъ страстей великую ли славу приноситъ? Но быть жертвою самой себя . . . Несчастная Агатея! благородная гордость, сколько бы ни была блистательна, недовольна къ награжденію любви! я ее побѣжду, я уничтожу толь владычествующую любовь! насладимся побѣдою, я собой пожертвовала, я содѣлала благополучнымъ несчастнаго несправедливостію гонимаго, я дщери его возвратила честь, которую хотѣли у нее похитить. Сколь смѣло могу я похвалиться своимъ мужествомъ! когда я мыслію вхожу въ сердце мое, не созерцаю ли въ немъ усилій великодушія, которое возвышаетъ меня предъ собственнымъ моимъ взоромъ . . . Ахъ сколь дорого мнѣ стоитъ сіе дѣйствіе, о которомъ потомки можетъ быть, съ похвалою говорить будутъ . . . Я издыхаю подъ тысящію ударовъ! такая добродѣтель не сразмѣрна моимъ силамъ!

Ея любовника состояніе не меньше было свирѣпо. Онъ имѣя сердце воспаленное нѣжностію къ племянницѣ Эрмогеновой былъ въ объятіяхъ Цидиппы: Сія среди великодушныхъ чувствій, которыя тщился онъ показать, примѣтила его печаль; она упадаетъ къ его стопамъ проливая слезы! —— О не сравненный мой благодѣтель, позволь дабы я тебя обожала и почитала какъ изящный образъ и зерцало покровителаствующихъ боговъ; не скрывай отъ меня страшнаго души твоей волненія, котораго виною жертва... Ахъ она ужасна; я то чувсствую: ты любилъ Агатею, я ни добродѣтелей ни прелестей ея не имѣю: я имѣю только душу упоенную чистѣйшую благодарностію . . . Благсдарностію!

 Ахъ!

Ахъ! сїе слабое изъясненїе безсильно представить тебѣ мои чувствїя; знай Зенотемисъ . . . Не одно желанїе вспомоществовать моему родителю, и усладить горесть его печалей принудило меня въ тайнѣ воздыхать и желать сего союза, я не старалась, чтобъ хитростїю заслужить твое уваженїе; нѣтъ, но любовь, самая нѣжная любовь меня къ тебѣ воспламенила, мой первый вздохъ былъ извлеченъ тобою, могъ ли ты повѣрить, что Эвдимакъ . . . . Одна моя любовь довольна къ убѣжденїю твоему о моей къ тебѣ привязанности, о моей должности, и.... къ тебѣ вся мысль моя и весь восторгъ былъ обращенъ. Я не имѣла склонности къ сыну Мисїеву, какъ только повинуясь и вспомоществуя моему родителю, я должна была имѣть родительскую бодрость и бѣжать сихъ мѣстъ. Зенотемисъ, я не могла оставить страны тобою обитаемой; все меня убѣждало, чтобъ не быть виновницею самаго лютѣйшаго злоключенїя для племянницы Эрмогеновой; и чтобъ умереть лутче, нежели принять твою руку . . . . Еще скажу, я не имѣла намѣренїя тебя обмануть: нѣтъ, не думай того, чтобъ нѣжность, которою я обязана своему родителю меня къ сему привлекла, я тебѣ повторяю, что одна любовь.... Я вѣчно буду терзаться, что толь жестокимъ ударомъ сразила дѣвицу самую любезную и достойнѣйшую почтенїя . . . . Она мною несчастна, когда она изхитила меня изъ безны несчастїя! сїе должно тебя утѣшать: ты друга своего исторгнулъ изъ челюстей смерти: воззри на величество благороднаго твоего дѣйствїя, ты

еще больше учинилъ, ты отметилъ ядоносный и клевещущій языкъ на дщерь его изощренный; она была оставлена и отвергнута всѣмъ свѣтомъ: ты нисшелъ и на послѣдній степень униженія украсивъ ее названіемъ своея супруги. И такъ я умру съ симъ толико мнѣ любезнымъ именемъ, я должна была одинъ только день жить, я жила сей день будучи увѣнчанна титломъ супруги Зенотемизовой. Агатея проститъ мнѣ; меня веспоминая, она получитъ всѣ свои нравы, ты ей возвратишъ сіе сердце . . . которое ей принадлежало, и которое уступить ей одна смерть меня принудитъ. Зенотемисъ отвѣтствовалъ Цидиппѣ едиными только слезами, которые онъ тщетно старался отъ ней сокрыть; однако онъ тѣмъ утѣшался, что прекратилъ слезы своего друга, и усладилъ горесть его несчастій. Сей старикъ жилъ уже съ нимъ вмѣстѣ. и меньше противился благодѣяніямъ своего зятя. При всемъ томъ Менекратъ не могъ не ощущать печальнаго состоянія Агатеи, онъ всегда предавался чувствительному о ней сожалѣнію, какъ только увидитъ сію не счастную Эрмогенову племянницу, и онъ ее видѣлъ часто. Божественная дщерь, вѣщалъ онъ ей, я отъ тебя не таю, что раздѣлилъ я счастіе Цидиппино, я бы всѣхъ смертныхъ чтилъ себя нынѣ благополучнѣйшимъ, естьли бы мое счастіе не было куплено цѣною твоего счастія; тебѣ извѣстно, что я всѣ возможныя полагалъ препятствія совершенію сего брака; и еще теперь сей видъ мнѣ мечтается и напояетъ ядомъ сладость сожитія и союза, которой бы долженъ предать заб-

забвенію всѣ испытанныя мною напасти; Ахъ! величественная Агатея, твое безпримѣрное великодушіе рѣшило сіе обязательство толь пагубное для сердецъ чувствительныхъ! почтенный Менекратъ, отвѣтствуетъ племянница Ермогенова, стараясь укротить волненіе колеблющее душу ея, не говори мнѣ о чувствіяхъ, которымъ я законъ предпишу, я не наслаждалась и я не хочу наслаждаться, какъ только вашимъ благополучіемъ, оно мое: такъ оно мое, вѣщай, повторяй мнѣ, что я облегчила бремя твоихъ несчастій, что дщерь твоя. . . . Менекратъ, я ей, такъ я общему вашему благополучію собою жертвовала. . . . Цидиппа безъ сомнѣнія счастлива; она любима Зенотемисомъ. . . . Кромѣ его, другаго счастія нѣтъ на свѣтѣ.

Коль страшное волненіе претерпѣть должна была сія дщерь геройская, когда она видѣлась съ Зенотемисомъ и Цидиппою! однако сама она искала ихъ сообщества, она первая старалась утѣшать ихъ въ печали причиняемой ея плачевнымъ состояніемъ. Но всячески въ прочемъ убѣгала, чтобъ не быть ей на единѣ съ Менетовымъ зятемъ, она его боялась, она страшилась самой себя. Истинная дрбродѣтель, безъ тщеславія не уповаетъ на свои силы. Благоразумная боязнь спасаетъ ее отъ преткновенія. Толико близка природа человѣческая къ слабостямъ! и тотъ, кто ужѐ совершилъ довольное жизни теченіе изъятое отъ всякаго порицанія, естьли на одно мгновеніе не будетъ остороженъ, лишается плода тритцатилѣтной или пятидесятилѣтной своей примѣрной жизни.

Ци-

Цидиппа украсилась названіемъ Матери, она произвела на свѣтъ сына, котораго красота привлекала всѣхъ взоры; племянница Эрмогенова убѣдила Зенотемиса, чтобъ позволилъ онъ ей имѣть попеченіе о семъ младенцѣ. Странныя противорѣчія сердца человѣческаго! какъ могла Агатея пожелать, чтобъ имѣть предъ своими очами, естьли можно сказать, зерцало своего нещастія! иногда сего младенца прижимаетъ она къ своей груди и цалуя орошаетъ его слезами, иногда отвергаетъ его отъ себя; и это Цидиппа ея соперница; которую она зритъ и не навидитъ въ лицѣ сея не винныя твари; то вдругъ опять къ себѣ его влечетъ, беретъ въ свои обьятія: она видитъ въ немъ, она въ немъ обожаетъ Зенотемиса.

Эрмогенъ тщетно убѣждаетъ племянницу свою къ избранію себѣ супруга: не чувствительна къ его жалобамъ и прозьбамъ, она живетъ только для того, чтобъ тайною печалію жертвовать Зенотемису. Или пріятно говорить самому себѣ: страждѹ для любезной мнѣ особы? гордость соединяется съ симъ внутрениимъ удовольствіемъ! и сіе служитъ какъ бы наградою и нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ печалѣхъ, которыхъ виною нещастная любовь. Агатея искала уединенія, и тогда ужè страсть ее терзающая и которую тщилась она преобѣждать предъ взоромъ общества, свирѣпствовала надъ нею въ полной силѣ. Желая посѣщать Цидиппу, которой присутствіе ожесточало въ ней мрачную печаль ее снѣдающую, любя больше, нежели когда нибудь того человѣка, котораго должна она

она почитать только, страшась ему показать малѣйшее чувствіе скрываемое въ ея мысляхъ, притомъ будучи резностна показывать одно только благородное души своей величество, и не поколебимую свою бодрость; сколь вѣрно сія нещастная познавала свою слабость! сколь убѣдительно испышала она, что душа подвергнувшись своему собственому суду безъсомнѣнія не сразмѣрною находитъ себя для тѣхъ высокихъ совершенствъ, которыя мыслію и разсужденіемъ другихъ ей приписуются! толико было печально и ужасно состояніе сея дѣвицы, которая и будущіе вѣки должна восхитить удивленіемъ!

Ея здравіе ослобѣвало, она посылаетъ просить къ себѣ Зенотемиса, съ его супругою и съ Менекратомъ; безпокойство ихъ сердцами овладѣло, они прибѣгаютъ и видятъ Эрмогена сѣдяща близъ своей племянницы и погруженна въ глубокую печаль. Сіе зрѣлище поразило ихъ ужасомъ. Приступите, вѣщаетъ имъ Агатея гласомъ, которой она старалась укрѣпить, утѣшьте моего дядю. Что ты гооришъ, возопили она всѣ по премѣнно? друзья мои, ужѐ нѣтъ мнѣ времани скрывать отъ васъ свое состояніе, нѣсколько часовъ жизни моей остается, или можешъ быть нѣсколько минутъ; самые искусныо врачи объявили мнѣ . . . Но ахъ неплачте! не воздыхайте! удостойте меня вниманія, ужѐ въ послѣдний, ахъ! въ послѣдній разъ хочетъ съ вами бесѣдовать Агатея, пусть ея словà напечатлѣются на сердцахъ вашихъ! Зенотемисъ, приближась къ минутѣ, до которой ужѐ я достигла, за честь и славу почитается

пред-

представлять истинну въ полномъ ея сіяніи; потому и я хочу вамъ ее обьявить такою, какова она всегда была въ моемъ сердцѣ. Зенотемисъ, душа моя прилѣпилась къ тебѣ съ того времени,, какъ только чувствіе любви начало въ ней раждаться, и я похвалялась внутренно сею страстію: ты бы моимъ супругомъ . . . но добродѣтель была намъ столькоже любезна сколько взаимная наша нѣжность. Дѣвица плѣненная Зенотемисомъ и отъ него равно любимая должна была стремиться къ заслуженію склонности толь чистой, благородной и толь достойной самаго божества, которому безъ сомнѣнія угодно было такія влiять въ насъ души и напечатлѣть въ нихъ всѣ черты своего величества. Я уступила стремленію мужества, которое, какъ должно вѣрить, сіе божество воспламенило въ моей дѣвической груди; я усыпила мою любовь, дабы исполниться великодушіемъ, и премѣнить судьбу гонимаго, которой заставлялъ почитать самое свое несчастіе; я восхотѣла отмстить неблагодарность его отечества, и судьбу его утѣсняющую; я возвратила дщери его честь, которую злорѣчивая клевета хотѣла у нее похитить, Менекратъ и Цидиппа обязаны мнѣ облегченіемъ своего тяжкаго бремени, Зенотемисъ обязанъ мнѣ торжествомъ дружества; и, что всего честнѣе для человѣка чувствительнаго, тою славою, которую онъ получилъ защищая сторону нещастнаго, и учинивъ благополучною дщерь своего друга, когда свирѣпая ложъ стремилась къ ея поруганію. Позволь, дабы умирающіе мои очи сомкнулись взирая на видъ сей; и какъ я предпрія-

ла

яла сего часа открыть всю истинну, должно мнѣ обьявить предъ вами точную причину болѣзни, которая толь рано повергаетъ меня во мрачность гроба: два чувствія противоборствовали во мнѣ между собою, одно превыше моего полу, и превыше природы человѣческой принудило меня усыпить сладостнѣйшую склонность; и предпріять дѣйствіе достойное, можетъ быть уваженія: другое влекло меня всегда къ первымъ души моей напечатлѣніямъ; и къ сей склонности . . . . надъ которою едина смерть восторжествовать меня принудитъ . . : . толикихъ убо усилій и подвиговъ стоитъ добродѣтель! Зенотемисъ, ты хочешъ прервать рѣчь мою? ахъ представляй въ умѣ своемъ одну только мою побѣду, и сладость, которую я ощущаю, возмогши уступить движенію великодушія; хвали, прославляй мнѣ величество моей жертвы, я покорила сердце мое. Государыня моя [обратясь къ Цидиппѣ] я всегда предупреждала мою соперницу благодѣяніями, твой сынъ сдѣлался моимъ сыномъ [Агатея беретъ въ свои обьятія сына Зенотемисова] да не отторгнутъ его отъ моей груди. Мой дядя столько меня любитъ, что онъ безъ сомнѣнія мнѣ позволитъ сіе, толико мнѣ любезное дитя учинить моимъ наслѣдникомъ. [Зенотемисъ и Цидиппа противятся сему новому примѣру геройства Агатеина] ахъ! вы отрицаетесь показать мнѣ сей слабый знакъ вашего дружества? Зенотемисъ, мнѣ кажется, я заслуживаю отъ васъ сіе дружество, для котораго я все сдѣлала . . . но забудемъ мои слабости, особливо должно опасаться,

ся, чтобЪ намЪ не смягчиться. Я не знаю, гордость ли мною обладаетЪ, или боги вЪ сіе мгновеніе возвышаютЪ меня до своего степени: я чувствую, что всего сладостнѣе умирать для добродѣтели; такЪ, я для нее умираю . . . Не смущай моего удовольствія толь чистаго и толь пріятнаго; сокрой отЪ меня печаль твою. Прости ЗенотемисЪ, прости почтеннѣйшій МенекратЪ, и ты . . . . которая должна меня любить . . . Я чувствую приближеніе смерти; я воскресну между вами; разговаривайте вмѣстѣ о несчастной Агатеѣ; никогда человѣческое сердце не было толь чувствительно, никогда оно толь пламенно не любило . . . и ахЪ оно скоро уничтожится... нѣтЪ оно не престанетЪ существовать: боги справедливы и щедры, они содѣлаютЪ сіи чувства вѣчными; они пріемлютЪ мою душу вЪ небесныя селенія; я гряду созерцать сихЪ боговЪ во всей ихЪ славѣ и сіяніи; они удовлетворяютЪ намЪ за наши бѣдствія; добродѣтель получаетЪ отЪ нихЪ достойную себѣ награду. ЗенотемисЪ, мои очи ужѐ тебя не видятЪ . . . ЭрмогенЪ, друзья мои, возложите руку на мое сердце, оно еще для васЪ трепещетЪ. . . ЗенотемисЪ.... прими послѣднее мое дыханіе. Сія великодушная дѣвица не могла противиться различнымЪ бурямЪ волнующимЪ ея душу; она долго старалась утаить сіе волненіе отЪ взору своего дяди; и хотя прибѣгли кЪ помощи врачебнаго искуства, не могли однако имѣть лутчаго успѣха: болѣзнь ужѐ весьма усилилась.

Неможно представить и описать отчаянія, которымЪ ихЪ сразила смертЪ Агатеино: ея дядя рыдалЪ

рыдалъ надъ нею, какъ надъ собственною своею дщерію; что касается до Зенотемиса, онъ былъ неподвиженъ и въ изумлеиіи означающемъ скорбь и печаль несравненную; Цидиппа поминутно упадала къ ея стопамъ: я, вѣщала она, я похитила отъ васъ, Агатею нашу благодѣтельницу! ахъ! мнѣ должио было умреть; Зенотемисъ, мой сынъ нашелъ бы себѣ мать, и Агатея предалабы забвенію, что другая имѣла лестное названіе твоей супруги, Агатея осталася бы въ живыхъ, тебя любила . . . . ты бы мнѣ простилъ.

Зенотемисъ воставлялъ съ земли свою супругу лобзая стократно и не въ силахъ отвѣчать, какъ только стономъ и воздыханіями; онъ убѣдилъ Эрмогена жить вмѣстѣ съ собою, и они съ того времеии составляли одинъ домъ отягченный своею печалію.

Зять Менекратовъ заключилъ прахъ Агатеинъ къ сосудъ Порфировой, которой онъ всякой день украшалъ новыми цвѣтами и орошалъ источникомъ своихъ слезъ, онъ его прижималъ къ своей груди, возносилъ къ небесамъ, и лобызалъ благоговѣйно, онъ приводилъ съ собою своего сына; и повелѣвалъ ему свои милые и ласковые уста прилѣплять къ сей плачевной достопамятности; покой въ которомъ заключенъ былъ, сей залогъ, сіе священное сокровище, почитался нѣкоторымъ святилищемъ, гдѣ племяннница Эрмогенова принимала честь и жертву приносимую самимъ богамъ, сіе служеніе было первымъ Зенотемисовымъ упражненіемъ.

Хотя

Хотя ихъ печаль не прекратилась, но препровождали они дни свои спокойно; имъ пріятно было воздыхать по Агатеѣ. Воображеніе предтекшихъ Менекратовыхъ несчастій по видимому заглаждалосъ и бѣжало изъ его памяти; онъ ужè готовъ былъ оставить свѣтъ сей, вооруженъ будучи тѣмъ спокойствомъ душй, которое одно только составляетъ истинное благополучіе: онъ оцѣнилъ сонъ жизни: подъ тѣнію благодѣяній и щедротъ своего друга, своего зятя Зенотемиса, онъ не сожалѣлъ о прежнемъ своемъ состояніи, и оставлялъ чадъ своихъ руководству и покровительству упрямаго и превратнаго рока, и несправедливости ихъ согражданъ.

При дверѣхъ ужè гроба новые удары ожидали сего старика; онъ еще не испилъ всей чаши горестныхъ несчастій ему опредѣленныхъ: бѣшенство его непріятелей отъ сна воспрянуло. Какая молніеносная новость для бѣдствующаго Менекрата! онъ извѣстился, что сенатъ началъ вновь его слѣдствіе, и кратко сказать, что послѣдняя ужè стрѣла готовиться его поразить, и что скоро его обѣявятъ *преслушнымъ и безчестнымъ*. Менекратъ претерпѣлъ самыя лютѣйшія гоненія; но быть подвержену постыдному безчестію, и видѣть сіе безчестіе подтверждено еще законами . . . . Ахъ сія картина знаменитому сему несчастливцу не оставила силъ, какъ только для пріятія меча, которой попался ему въ руки; онъ ужè вознесъ его надъ свою грудь; постой, возопилъ Зенотемисъ, которой вбѣжалъ по случаю въ покой своего тестя, и готовое остріе исторгъ изъ рукъ его; Менекратъ,

что ты дѣлаешь? —— Другъ мой не лишай меня сего единаго убѣжища, которое осталось мнѣ въ моихъ несчастіяхъ; знай, что ярость клеветниковъ моихъ обновилась, они клялись на жизнь мою. Сенатъ собранъ, они еще ненасытились похищеніемъ моихъ достоинствъ и моего имѣнія, они хотятъ произнесть опредѣленіе, которое безъ сомнѣнія сразитъ меня. . . . И ты можешъ на одну минуту отвратить мою смерть! ахъ! для чего я не могу толь скоро умереть! —— Родитель мой, что я слышу! внимай, внимай словамъ моимъ, обѣщайся мнѣ не прекращать своей жизни до моего возвращенія: я самъ, я самъ тебя ободрю пресѣчь дни твои, естьли моя надежда меня обманетъ. Одной только минуты требую, и я возвращусь. . . . Зенотемисъ не скончавъ своихъ словъ, вдругъ какъ изумленной съ яростію полетѣлъ въ сенатъ, онъ вбѣгаемъ въ совѣтную залу: —— Нѣтъ жестокіе, вы не изречете сего неприведнаго опредѣленія! оно васъ, оно васъ только покроетъ стыдомъ и не загладимымъ безчестіемъ: или вы не довольны тѣмъ, что повергли несчастнаго въ различныя бѣдствія . . . Въ чемъ его преступленіе? Я предаюсь въ семъ случаѣ рѣшенію и суду сихъ не умолимыхъ и кровавыми чертами напечатлѣнныхъ законовъ. Пусть слѣдствіе погрѣшности его подвергнется всей варварской ихъ справедливости. Побѣжденъ слезами бѣдствующихъ родителей, упадшихъ къ его стопамъ, преодолѣнъ склонностію, которая столь властна, и которою должна гордиться наша природа, склонностію, которая намъ вопіетъ, убѣждаетъ влечетъ и

спре-

стремитъ насъ къ соболѣзнованію о подобныхъ намъ, и умѣсненныхъ несчастіемъ, симъ говорю, преодолѣнъ, на одну минуту смягчился человѣколюбивый Менекратъ,. и восхотѣлъ сохранить жизнь юношѣ, которой безъ сомнѣнія былъ виновенъ: кто умертвилъ, то ѣ самъ долженъ умереть; сей судъ есть опредѣленіе всѣхъ законоположеній, всѣхъ странъ и всѣхъ временъ; мы его знаемъ: самое человѣчество требуетъ, чтобъ уничтожить бытіе того, кто разрушилъ бытіе другаго: сей не премѣнный и вѣчный законъ начертанъ на всѣхъ судебныхъ мѣстахъ, и на всѣхъ сердцахъ. Испытаемъ, я васъ заклинаю, свойство сего убійцы, отъ выи котораго Менекратъ отвратилъ мечь правосудія: ни что иное, какъ только первое стремленіе мщенія, быстрая нетерпѣливость отвратить нападеніе, притомъ самое живое возчуствованіе униженной и поруганной гордости воспламенило вспыльчивую младость. ахъ! до какихъ крайностей не доводитъ насъ сей надъ слабостію человѣческою властвующій тиранъ? Сколько просвѣщенныхъ умовъ онъ ввергнулъ въ заблужденіе? Мы видимъ убѣдительные сего примѣры у Грековъ, предковъ нашихъ, у Римлянъ, у Галловъ насъ окружающихъ, притомъ въ семъ самомъ обществѣ, и между самыми почтенными нашими согражданами. Се вина, которая могла на одну минуту поколебать въ рукахъ Менекратовыхъ вѣсы правосудія, которые онъ, больше, нежели чрезъ сорокъ лѣтъ держалъ съ не преклонною твердостію, которая всѣхъ насъ удивляла! Мы признаемъ себя только судіями: Ме-

некратъ виновенъ; и его другъ сказать того не постыдится; онъ самъ моими устами явно и смѣло себя обвиняетъ: не таить и признавать всю важность своего проступка почитается нѣкоторымъ почтительнымъ удовлетворенiемъ онаго: Менекратъ признается, и чувствуетъ, что онъ не соотвѣтствовалъ долгу своего достоинства; преступилъ законы, которыхъ онъ былъ органомъ и мстящимъ орудiемъ; и сiя мысль терзаетъ его лютѣе, нежели, что онъ лишенъ всѣхъ чиновъ и всего имѣнiя: человѣку исполняющему съ точностiю свои должности самымъ жесточайшимъ наказанiемъ служитъ, когда онъ чувствуетъ, что измѣнилъ самъ себѣ: но сiе случилось только на одну минуту въ долговременномъ теченiи Менекратовой жизни, въ протчемъ безпорочной и свободной отъ всякаго порицанiя. Почтенные сенаторы, облечемся въ человѣчество, и не постыдимся его: оно первое наше титло и первое достоинство: тогда мы увидимъ въ нашемъ согражданинѣ одну только слабость, которую должны бы вы позабыть; покрайней мѣрѣ правосудiю уже должно было удовлетвориться ея наказанiемъ; но ахъ вмѣсто того, чтобъ вамъ смягчиться, ваша справедливость, или дерзну я сказать, не укротимая ваша ярость вновь ожесточается: она не усыпилась плачевнымъ состоянiемъ снѣдающимъ Менекрата, она хочетъ отторгнуть его отъ объятiй отечества, которое поднесъ ему еще любезно; хочетъ отъять у его послѣднее добро, которое онъ ревностно сохранить старается, хочетъ похитить его честь. . . . но я вашу честь и противъ воли

са-

самихъ васъ сохраню отъ поношенія, которое вы сами на себя навлекаете: я вамъ ужѐ сказалъ: сіе постыдное опредѣленіе не изыдетъ изъ устъ вашихъ; такъ, оно изъ нихъ не изыдетъ . . . пусть не насытимое ваше безчеловѣчіе ожесточается на жизнь несчастнаго старика; онъ ужѐ при гробѣ, онъ въ него нисходитъ; соединитесь, имѣйте распрю о славѣ, чтобъ повергнуть его на брегъ стикса; оскверняйте священное мѣсто сею отъ старости и злоключеній оледенѣшнею кровію, омойте ею и звѣрскіе ваши руки . . . . но я прошу только, чтобъ сія несчастная вашей ярости жертва не была заклана безчестіемъ. Менекратъ не достоинъ сего мученія, сего наказанія лютѣйшаго всѣхъ истязаній. Смерть, чѣмъ можно почесть въ сравненіи съ безчестіемъ? Оно, оно есть истинная смерть, и вѣчное разрушеніе; ахъ! какая адская фурія могла вновь преклонить васъ къ суду толь нѐнавистному?

Жаръ, съ какимъ Зенотемисъ произносилъ сіи слова, безпорядокъ его изьясненій, благородный его видъ, сложеніе тѣла, и все что воспламеняло его къ защищенію своего друга, все сіе возбудило въ присутствующихъ вниманіе и любопытство. Всѣхъ мысли, всѣхъ взоры были въ недоумѣніи, сердца начали смягчаться. Одинъ изъ Сенаторовъ отвѣтствуетъ съ холодною важностію, что Менекратъ уличенъ во взяткахъ, что мздою . . . . Зенотемисъ не давши ему окончать, вопіетъ какъ! такое обвиненіе . . . священное величество мѣста . . . . такъ, мнѣ нужно призвать его на помощъ, дабы отмстить

стить невинность . . . гдѣ доказательства? гдѣ свидѣтели? пусть они представлены будутъ предъ очи всего собранія: да обличится ложъ, да возсіяетъ истинна и восторжествуетъ невинность.

Судіи будучи въ недоумѣніи шепчутъ между собою и словъ ихъ не слышно. Мисій входитъ въ залу совѣтную: вотъ сказалъ доноситель, особа, которая покажетъ всю истинну, Мисій! вопіетъ Зеноземисъ и къ нему стремяся: —— Ты, ты востаешъ противу Менекрата, ты его обвиняешъ! ты свидѣтельствуешъ! посмотримъ, . . . посмотримъ . . . . [Мисій хочетъ удалиться] Нѣтъ, мы тебя не упустимъ: тебѣ должно усыпить дружество, природу, истинну, совершить твое злодѣйство, вооружить ложъ всею дерзостію, какую только вѣроломство можетъ вмѣстить, должно тебѣ умертвить, обезчестить . . . твоего друга, такъ, онъ былъ тебѣ другъ: о презрѣннѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ! ты помнишъ его только для того, чтобъ его погубить. Соверши, скончай, дерзай помрачать честь Менекратову; докажи намъ; что онъ осквернилъ себя подлостію . . . которая одному только тебѣ возможна.

Мисій блѣденъ и смущенъ, трепещущею рукою вынимаетъ письмо, и говоритъ, что оно писано къ Менекрату отъ Эвмена, отца того юноши, котораго Менекратъ дерзнулъ освободить отъ строгости законовъ; сіе письмо заключало въ себѣ обѣщаніе великой денежной суммы, и казалось, что Менекратъ еще требовалъ больше. Всѣхъ взоры устремились на Зеноземиса.

миса. —— Это не возможно. Хотя бы земля и небо соединились для увѣренія меня; что Менекратъ помыслить только могъ о толь постыдномъ и подломъ поступкѣ; я бы уличилъ во лжѣ небо и землю: толико испытанная добродѣтель не можетъ унизиться до такой подлости; чинъ всея природы скорѣе превратится; нежели душа непорочная удалится отъ своей чистоты и невинности. Мисій; ты клеветникъ; истинна тебя со всѣхъ сторонъ притѣснитъ, ты увѣряешъ, что сіи черты писаны рукою Эвменовой; онъ уже во гробѣ; пусть кто нибудь пойдетъ къ его сродственникамъ, или къ его пріятелямъ; они имѣютъ его письма; пусть ихъ принесутъ въ сіе собраніе, пусть они сличатся съ симъ письмомъ; дабы ненавистное твое коварство открылось.

Одинъ рабъ летитъ на гласъ Зенотемисовъ, и возвращается со многими письмами, которые были писаны рукою Эвмоновой, сличаютъ ихъ съ письмомъ показаннымъ отъ Мисія. Почтенные Сенаторы, вѣщаетъ Зенотемисъ съ живностію, разсмотримъ прилѣжно сіи черты . . . не смотря на нѣкоторое подобіе . . . разсмотрите, узнайте: не сходство не можетъ утаиться, оно явно, оно видимо всѣми . . . . сіе письмо . . . . такъ оно подложное. Дерзай нечестивый клеветникъ, дерзай утверждать, что оно Эвменово; ахъ! для чего онъ не востанетъ изъ гроба для уличенія тебя? его тѣнь, его тѣнь грозящая . . . она востаетъ, окружаетъ тебя, тѣснитъ, и вѣщаетъ тебѣ моимъ языкомъ: „ говори, стольколи ты безстыденъ, что

еще хочешъ упорно стоять въ твоемъ злодѣйствѣ, и неслыханнымъ дерзновеніемъ утверждать ложъ тобою сплетенную? знай, что сіе собраніе, самъ Эвменъ, небо и земля тебя внимаютъ, знай, что перунъ въ рукахъ небожителей не пребудетъ празденъ и тщетенъ, ужѐ онъ устремленъ на главу твою, онъ гремитъ. Молніеносныя и мстящія стрѣлы его ужѐ летятъ въ блистаніи . . . И такъ правда ли, что письмо тобою намъ показанное писано Эвменомъ; и что Менекратъ склонился на мзду? отвѣтствуй, мои очи устремлены на твои, я не упущу ни единаго твоего взора; вся моя душа ищетъ уловить движенія твоей злодѣйской души, я стараюсь знать даже въ твоемъ сердцѣ, что ты говорить намѣренъ . . . . ты потупляешь взоръ! ты не произносишь ни единаго слова: ты въ изумленіи! смущеніе тобой овладѣло! оно тебя тѣснитъ! ты бѣжишь отъ меня! . . . постой!

Мисій извиняется слабостію здоровья, и давъ знакъ испрашиваетъ у Сената позволенія удалиться: онъ выходитъ покрывъ голову свою одеждою. Зенотемисъ съ восторгомъ: —— Добродѣтель торжествуетъ! почтенные Сенаторы, чего больше требовать? молчаніе, смущеніе, и бѣгство вѣроломца не довольно ли увѣряютъ васъ въ невинности Менекратовой? нѣтъ, Менекратъ не виненъ, Эвменъ не писалъ сего письма; мой другъ не дошелъ до такой подлости, чтобъ соединить преступленіе со слабостію. Мисій клеветникъ достойный самыхъ жестокихъ истязаній.

Зено-

Зенотемисъ говоритъ на ухо одному рабу, котораго онъ предъ симъ посылалъ, въ самую ту минуту, какъ рабъ выходилъ изъ залы совѣтной, входитъ другой рабъ посланный отъ Мисія съ письмомъ къ Сенату; поспѣшно распечатываютъ письмо и читаютъ въ слухъ сіи слова:

„Почтенные Сенаторы! ужѐ время отдать „справедливость истиннѣ: я испыталъ, что не „возможно противу ее ополчатся, я упадаю сра„женъ ея могуществомъ. Зенотемисъ, ты меня „побѣдилъ. Менекратъ не виненъ въ преступ„леніи, въ которомъ я его обвинялъ. Письмо „не Эвменомъ, но мною писано. Я все слѣлалъ; „я многихъ изъ нашихъ сограждан ополчилъ „противу нещастнаго, которому я долженъ былъ „показывать услуги; я старался его низверг„нуть, и уничтожить память его. Познайте всю „злость и развратность человѣческагс сердца: „Менекратъ былъ мнѣ другъ, постыдная за„висть и ревность упоила ядомъ своимъ мои „чувствія; его дарованія, добродѣтели, и слава, „его уваженіе и благополучіе, все сдѣлалось для „меня не сноснымъ. Я хотѣлъ его наказать „за мое тайное мученіе, которымъ онъ тер„залъ мое сердце. Учиненный имъ проступокъ „подалъ мнѣ способный къ тому случай. Я „имѣлъ столько искуства, что сію его погрѣш„ность представилъ въ видѣ не простительнаго „преступленія: я воспалилъ сердца. вооружалъ „гонителей, изобрѣлъ разныя подозрѣнія и „клеветы: я гналъ Менекрата даже въ его дще„ри, стараясь помрачить ея честь; я во зло

„ употребилъ власть родительскую убѣдивъ мо-
„ его сына, чтобъ онъ разсѣялъ поносную молву
„ о Цидиппиной добродѣтели. Моя не укро-
„ тимая ненависть не насытилась та-
„ кимъ свирѣпствомъ; я предпріялъ уничто-
„ жить предметъ моего вѣроломства; я пред-
„ пріялъ совершить мое злодѣйство, убѣждая васъ
„ изгнать Менекрата и обезславить его рѣши-
„ тельнымъ и не возвратимымъ опредѣленіемъ.
„ Сердце мое въ началѣ противилось сему толь
„ гнусному намѣренію, но тѣмъ больше воспла-
„ менился я къ усыпленію моей совѣсти, я надѣ-
„ ялся вовсе ее уничтожить, разрушивъ бытіе
„ моей жертвы.

„ Послѣ сего признанія вы не должны сом-
„ нѣваться, чтобъ не имѣлъ я мужества и смѣ-
„ лости васъ предупредить: всѣ ваши истязанія
„ не могутъ сравниться съ мученіемъ меня тер-
„ зающимъ. Въ ту самую минуту, какъ сіе
„ письмо дойдетъ до рукъ вашихъ, я жизнь свою
„ прекращу, во увѣреніи, что я буду вѣчно
„ всѣми проклинаемъ, и что боги никогда мнѣ
„ не простятъ моего злодѣйства.

И такъ есть божество, возопилъ Зеноте-
мисъ, казнящее злодѣевъ! чудовище само себѣ
служитъ мучителемъ, оно само себя осудило.
Вы то видите почтенные Сензторы; Менекратъ
едва не палъ подъ бремененъ коварства и не-
справедливости. Его невинность возсіяла; нѣтъ,
его руки никогда не были осквернены мздою. Вы
не можете его порицать, какъ только одною
погрѣшностію, одной минутою, въ которую онъ
по неволѣ забылъ свою должность. Естьли онъ
погрѣ-

погрѣшилъ противъ сей строгой непорочности, которою мы отличаемся отъ протчихъ народовъ; ахъ его наказаніе ужѐ не довольноли свирѣпо? и мстящій мечь не упадетъ ли изъ рукъ вашихъ? что еще требуется отъ него для удовлетворенія законовъ? Лишенъ своихъ достоинствъ, безъ всикаго убѣшища, не имѣя другой помощи, кромѣ дщери своей и своего зятя, которые всякой день живѣе и чувствительнѣе ощущаютъ его нещастіе, готовъ низринуться во гробъ, отягощенъ всѣми ударами, и чрезъ кого? . . . я подражаю его молчанію, я не буду ни мало роптать. Не помышляйте, чтобъ его нещастный жребій уменшилъ къ вамъ его преданность и привязанность. Всѣ его желанія обращаются къ сему священному мѣсту, въ которомъ онъ засѣдалъ съ толикой славою; онъ всегда съ вами соединенъ душею исполненною мыслями о вашей пользѣ; онъ слабые свои руки подъемлемъ въ высоту, и проситъ, да изліются на васъ всѣ небесныи щедроты: его последнее дыханіе для васъ будетъ . . . . Воспомните, что вы отцы отечества, что милость есть первое чувствіе отеческой любви, что Менекратъ нисходитъ во гробъ; ахъ повергнется ли онъ въ него, не имѣвъ удовольствія получить отъ васъ прощеніе, и не сказать самому себѣ: наконецъ я нашелъ моихъ соотечественниковъ, моихъ друзей; и последніе мои взоры видятъ ихъ благодѣянія; я умираю спокойно: поелику забыли они мою погрѣшность, удостоили простерть ко мнѣ свои обьятія и увѣрить, что они меня прощаютъ? . . . . Почтенные сенаторы,

торы, вы смягчаетесь . . . . ахЪ! не отвращайте, не усыпляйте сего чувствія, которое сама справедливость должна вамЪ позволить: справедливость ограничена; но природа безпредѣльна. Пусть торжествуетЪ сія владычица сердецЪ. Истинная добродѣтель изгоняетЪ свирѣпство. СамЪ БогЪ, естьли бы онЪ былЪ только правосуденЪ, онЪ бы никого не прощалЪ, и по тому не могЪ бы назваться богомЪ: его милосердіе и благость есть первый лучь есо безсмертнаго существа, и первыя ему приличныя свойства; и васЪ чтутЪ на земли его зерцаломЪ и намѣстниками его власти. [ЗенотемисЪ упадаетЪ кЪ ихЪ стопамЪ] Человѣчество со мною обьемлетЪ ваши колѣна, оно приноситЪ вамЪ слезы Менекратовы, и . . . . се онЪ самЪ здѣсь: приступи другЪ мой приступи, приди обезоружить правосудіе, да явиться милосердіе сЪ побѣдою!

ВЪ самомЪ дѣлѣ сей старикЪ явился предЪ судей сопутствуемЪ Цидиппою, которая держала вЪ обьятіяхЪ своего сына вѣнчаниаго кипарисною вѣтвію и вЪ печальной одеждѣ. Красота сего младеицa и прелести его матери, которые печалію еще усугублялись и казались привлекательнѣе, сей, говорю, видЪ рѣшилЪ вЪ сердцахЪ судей склонность, которую ЗенотемисЪ произвелЪ ужѐ своею рѣчью: онЪ взявЪ своего сына отЪ обьятій своея супруги представляетЪ его судіямЪ: —— Воззрите на сего невиннаго младенца, онЪ первымЪ воплемЪ проситЪ у васЪ милости своему дѣду, онЪ первые слезы проливаетЪ для него, и ходатайствуетЪ ему прощеніе; можете ли вы ему отказать?

Можно

Можно подумать, что сынъ Зенотемисовъ былъ вдохновенъ своимъ родителемъ; онъ дѣлалъ движенія своими нѣжными руками, простирая ихъ по видимому къ судіямъ; онъ показывалъ на устахъ своихъ сію прелестную и милую усмѣшку, которой природа не преодолимое дала владычество. Цидиппа проливала слезы: все уступаетъ сему щастливому искуству употребленному Зенотемисомъ; Менекратъ хотѣлъ говорить; судіи встаютъ, и слышенъ только одинъ шумъ, которой внемлется посреди плача и которымъ наполняется зала: милость! милость! да воспріиметъ Менекратъ свое мѣсто въ сенатѣ! всѣ къ нему стремятся, и спѣшатъ весть его торжественно и посадить на стулъ, которой онъ прежде занималъ. Многіе изъ присутствующихъ повергаются къ его стопамъ, говоря:,, ты долженъ намъ простить: мы имѣли слабость быть орудіемъ клеветы; Мисій насъ упоилъ своимъ ядомъ, мы явно проклинаемъ наше злодѣйство; произнеси казнь, какой мы достойны: Менекратъ ихъ обьемлетъ, прижимаетъ къ своей груди; онъ только плачетъ и произноситъ сіи смягчающія слова:,, и такъ я понесу во гробъ милость и щедроты моего отечества! Сенаторы провозглашаютъ его однымъ изъ трехъ главныхъ предсѣдателей. Онъ изнемогалъ отъ чувствительнѣйшей благодарности, и упадалъ на рамена своей дщери и Зенотемиса; которые орошали его своими слезами и поднимали къ нему своего сына, дабы онъ могъ его лобызать. Никогда власть чувствительности не могла себя показать живѣе: это былъ день тор-

торжественный для дружества и для природы. Уѣдомились, что Мисій убилъ самъ себя, и что его нашли обагренна своею кровію; сынъ его убѣжалъ самовольно изъ града, обьявляя, что поносная молва о Цидиппѣ, была плодъ клеветы. Все признало и засвидѣтельствовало истинну. Менекратъ еще довольно жилъ, чтобъ вкусить ему сладость, которая слѣдовала за торжествомъ его добродѣтели: онъ имѣлъ удовольствіе умереть въ обьятіяхъ чадъ своихъ. Что касается до Зенотемиса, онъ пріобрѣлъ себѣ славу столькоже справедливу сколь блистательну: его признали зерцаломъ дружества и благодѣяній, онъ названъ *чувствительнѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ*. Сколь пріятны и лестны названія, когда ихъ приписываетъ сердце, а не польза и ласкательство! благополучіе Зенотемисово не было помрачено гордостію или забвеніемъ благодѣяній: онъ сохранилъ благодарность свою къ племянницѣ Эрмогеновой, онъ испросилъ отъ общества дозволеніе, соорудить своимъ иждивеніемъ въ честь Ея статую, и поставилъ ее близъ статуи Гемитеиной. (d)

Онъ

(d) Гемитея была родомъ изъ Марселій сочетанная бракомъ съ Марфидіемъ уроженцемъ тогоже города, Она имѣла нещастіе вдохнуть въ одного юноту не преодолимую къ себѣ страсть; которой получивъ удобный случай, когда сія женщинв была одна, хотѣлъ удовольствовать свое беззаконное желаніе, но Гемитея бросилась на мечь, которой онъ носилъ, и прекратила дни свои, говоря, что она лутше умретъ, нежели измѣнитъ брачному союзу. Марфидій узнавъ о семъ плачевномъ приключеній прибѣжалъ и пронзилъ себя тѣмъ же мечемъ надъ тѣломъ своей супруги.

Онъ говорилъ ей похвальную рѣчь, которой удивлялись, какъ несравненному плоду чувствительности; имя Агатеино стараніемъ его включено было въ число знаменитыхъ именъ, которыми славилась Марселія. Зенотемисъ наслаждался благополучною и добродѣтельною жизнію и былъ у всѣхъ согражданъ въ почтеніи. Его смерть, была смерть приличная мудрому человѣку, то есть, конецъ жизни исполненной изящными дѣйствіями, которыхъ воспоминаніе почитается новымъ несравненно долговременнѣйшимъ и лутчимъ бытіемъ, нежели первое. Душа его открыла все свое величество и свою доброту въ послѣднемъ увѣщаніи, которое онъ имѣлъ къ своему сыну: „ помни, любезный мой сынъ, "говорилъ онъ ему, помни; что нѣтъ другаго удовольствія и утѣшенія на свѣтѣ, кромѣ того, которымъ награждаетъ насъ добродѣтель. Онъ въ завѣщаніи своемъ повелѣлъ, чтобъ его прахъ соединенъ былъ съ прахомъ племянницы Эрмогеновой. Сенатъ исполнилъ его желаніе, и народъ примѣтилъ, что порфировой сосудъ вострепеталъ и потряссе отъ радости, когда въ него заключили прахъ Зенотемисовъ.

